

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „Авг. 27. Определеніе, изложенное въ первой статьѣ, утверждается; по второй, окончившаго университетскій курсъ Валеріана Бежа принять въ число своекоштныхъ студентовъ академіи на первый курсъ; приложеннымъ распределеніемъ лекцій руководствоваться“.

28 августа 1897 года.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ ректора академіи архимандрита Лаврентія, инспекторъ академіи и. д. ординарнаго профессора архимандритъ Арсеній и члены Совѣта академіи, кромѣ профессоровъ: В. Ключевского, Н. Заозерскаго, І. Татарскаго, находящихся въ отпуску, П. Цвѣткова, не присутствовавшаго по семейнымъ обстоятельствамъ, и В. Кипарисова— по болѣзни.

Слушали: І. Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ подписью: „Авг. 14. Принять къ свѣдѣнію“ указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 12 августа за № 4274:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: прошеніе дѣйствительнаго студента Московской духовной академіи, сербскаго уроженца, *іеромонаха Дамаскина* объ утвержденіи его въ степени кандидата богословія или же возвращеніи ему кандидатскаго сочиненія. Приказали: Въ виду доставленныхъ ректоромъ Московской духовной академіи свѣдѣній объ успѣхахъ и поведеніи дѣйствительнаго студента академіи *іеромонаха Дамаскина* и академическихъ правилъ относительно невыдачи авторамъ кандидатскихъ сочиненій, изъясненную просьбу Дамаскина оставить безъ послѣдствій; о чемъ и увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ“.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

ІІ. Резолюцію Его Высокопреосвященства, послѣдовавшую на журналѣ Совѣта академіи за 8 августа текущаго года: „Авг. 24. Постановленія по статьямъ IV, V, VI, VIII, IX, X, XII, XIV и XV-й исполнить; статьи I и XI-я смотрѣны; съ мнѣніями, въ статьяхъ II и VII-й изложенными, согласенъ. Студента Александра Левитскаго (ст. III) принять въ составъ втораго курса. Дѣйствитель-

ные студенты (ст. XIII) Викторъ Миловидовъ, Яковъ Достойновъ и Михаилъ Поповичъ утверждаютъ въ степени кандидата богословія*.

Опредѣлили: 1) Резолюцію Его Высокопреосвященства принять къ свѣдѣнію и исполненію. 2) Изготовить для воспитанниковъ академіи Виктора Миловидова, Якова Достойнова и Михаила Поповича кандидатскіе дипломы и препроводить дипломы Миловидова и Достойнова въ подлежащія духовныя консисторіи, а объ утвержденіи означенныхъ воспитанниковъ въ степени кандидата богословія сообщить въ Учебный Комитетъ при Святѣйшемъ Синодѣ.

III. Сданное Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „Авг. 28. Прошеніе сіе подлежитъ разсмотрѣнію въ совѣтѣ академіи. Если члены онаго придутъ къ заключенію, благопріятному для просителя, то мною не будетъ отказано въ ходатайствѣ какъ объ отпускѣ его за границу, такъ и о назначеніи содержанія ему“ прошеніе на имя Его Высокопреосвященства экстраординарнаго профессора академіи по кафедрѣ метафизики и логики Алексѣя *Введенскаго*:

„Въ 189¹/₂ учебномъ году Святѣйшему Синоду благоугодно было соизволить на отпускъ меня съ научною цѣлію за границу. Годичное занятіе философіею въ заграничныхъ университетахъ было для меня весьма полезно. Однако, вслѣдствіе краткости времени, я успѣлъ прослушать курсы лишь нѣкоторыхъ философскихъ наукъ (логики, психологіи, исторіи философіи и общей метафизики). Въ настоящее время, въ цѣляхъ дальнѣйшей разработки и усовершенствованія моихъ философскихъ чтеній въ академіи, для меня было бы въ высшей степени важно ближе и основательнѣе ознакомиться съ философіею природы, въ связи съ вспомогательными спеціальными науками (естественными), изученіе которыхъ безъ университетскихъ пособій чрезвычайно затруднительно. Въ виду изложеннаго осмѣливаюсь почтительнѣйше и всепокорнѣйше просить, не соблаговозлите ли Ваше Высокопреосвященство ходатайствовать предъ Святѣйшимъ Синодомъ: 1) объ отпускѣ меня за границу съ научною цѣлію срокомъ на одинъ годъ и 2) о назначеніи мнѣ, въ случаѣ соизволенія на отпускъ, содержанія, -- по благоусмотрѣнію. При семъ почитаю не-

обходимымъ присовокупить, что, такъ какъ преподаваемыя мною въ академіи науки, метафизика и логика, читаются на первомъ курсѣ, то студенты настоящаго перваго курса съ удобствомъ могли бы прослушать эти науки по переходѣ на второй курсъ и, такимъ образомъ, вслѣдствіе моего годичнаго отсутствія, никакихъ опущеній въ научныхъ планахъ академіи не послѣдовало бы“.

Опредѣлили: Признавая просьбу экстраординарнаго профессора Алексѣя Введенскаго заслуживающею уваженія и находя, что отъ заграничной командировки его для учебнаго дѣла въ академіи не представляется никакихъ неудобствъ, заготовить представленіе отъ имени Его Высокопреосвященства въ Святѣйшій Синодъ съ ходатайствомъ объ увольненіи экстраординарнаго профессора Алексѣя Введенскаго съ научною цѣлію за границу срокомъ на одинъ годъ и объ отпускѣ ему, сверхъ получаемаго имъ по службѣ содержанія, пособія на поѣздку въ размѣрѣ, какой благоугодно будетъ опредѣлить Святѣйшему Синоду, и приложить означенное представленіе къ настоящему журналу.

IV. Отношеніе Канцеляріи Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода отъ 4 августа за № 4841:

„По утвержденному Г. испр. об. Синодальнаго Оберъ-Прокурора 17 іюля 1897 года докладу Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ, опредѣленъ на духовно-учебную службу кандидатъ Московской духовной академіи Дмитрій *Судницынъ* преподавателемъ всеобщей и русской гражданской исторіи въ Ставропольскую духовную семинарію.

Канцелярія Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода долгомъ поставляетъ сообщить о семъ Совѣту академіи для свѣдѣнія и зависящаго распоряженія, присовокупляя, что объ ассигнованіи слѣдующихъ упомянутому лицу, по положенію, денегъ нынѣ же сообщено Хозяйственному Управленію при Святѣйшемъ Синодѣ“.

Справка: По распоряженію о. ректора академіи кандидату Дмитрію Судницыну дано знать о состоявшемся назначеніи его на духовно-учебную службу.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

V. Донесеніе бібліотекаря академіи Николая *Колосова*:

„Честь имѣю донести Совѣту академіи, что отъ Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Сер-

гія, Митрополита Московскаго и Коломенскаго, поступили въ даръ академической бібліотекѣ слѣдующія книги:

1. Св. Евангеліе отъ Матоея на корельскомъ нарѣчїи.
2. Св. Θεодора Исповѣдника, игумена Студійскаго, рѣчь противъ иконоборцевъ, переводъ Н. Виноградова.
3. Гером. Владиміра— „Св. Аѳанасій Александрійскій“.
4. Свящ. І. Стрѣльбицкаго— „Св. Модестъ, архіепископъ Іерусалимскій“.
5. С. Писарева— „Было ли перенесеніе мошей свв. мучениковъ Бориса и Глѣба изъ Вышгорода въ Смоленскъ на Смядынь?“
6. Списки архіереевъ іерархіи всероссійской и архіерейскихъ кафедръ со времени учрежденія Святѣйшаго Правительствующаго Синода (1721—1895).
7. Свящ. Н. Извѣкова— „Высокопресвящ. Іосифъ (Сѣмашко), Митрополитъ Литовскій и Виленскій“.
8. П. Корсунскаго— „Преосвящ. Епископъ Θεофанъ, бывшій Владимірскій и Суздальскій“.
9. Его же— „Высокопреосвященный Архіепископъ Іосифъ, бывшій Воронежскій“ (Секрологъ).
10. Свящ. А. Кудрявцева— „Мохаммеданская религія въ ея происхожденіи, существѣ и отношеніи къ религіи христіанской“.
11. Движеніе къ христіанству среди евреевъ въ Кишиневѣ и рѣчи вождя этого движенія І. Д. Рабиновича.
12. М. Оивейскаго— „Шотландскій проповѣдникъ Эдуардъ Ирвингъ и его послѣдователи“.
13. „Братское слово бывшимъ униатамъ Подляшья, по случаю коронаванія Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора Николая II и Государыни Императрицы Александры Θεодоровны, 14 мая 1896 г.“, — въ двухъ экземплярахъ.
14. Архимандрита Іоны— „Рѣчи, говоренныя на Таганскихъ собесѣдованіяхъ съ старообрядцами въ Москвѣ 189⁴/₅ г.“
15. Списокъ вышшимъ чинамъ государственнаго, губернскаго и епархіальнаго управленій на 1897 годъ.
16. Свящ. І. Фуделя— „Народное образованіе и школа“.
17. Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива Перваго отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, вып. 1—6, 8 и 9-й.

18. Акты, издаваемые Виленскою Коммиссіею для разбора дровнихъ актовъ, т. 20-й.
19. Каталогъ христіанскихъ древностей, собранныхъ Московскимъ купцомъ Н. М. Постниковымъ.
20. И. Чемена—„Дарвинизмъ“.
21. Первая, вторая и третья Олинскія рѣчи, въ переводѣ Н. Виноградова.
22. Записки Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, т. т. XVI и XVII.
23. Отчеты Общества возстановленія Православія на Кавказѣ за 1892 и 1893 годы.

Опредѣлили: Выразить Его Высокопреосвященству настоящимъ журналомъ глубочайшую благодарность Совѣта академіи за принесенныя въ даръ академической библіотекѣ книги.

VI. Записка экстраординарнаго профессора по кафедрѣ церковной археологіи и литургіи Александра Голубцова о выпискѣ церковно-богослужебныхъ книгъ и изслѣдованій, которыя онъ считаетъ нужнымъ приобрѣсти для академической библіотеки.

Справка: Къ выпискѣ представлены слѣдующія церковно-богослужебныя книги и изслѣдованія:

1) Каноникъ, въ 8-ю д., въ коленкорѣ, 2) Октоихъ, въ 8-ю д., въ кожѣ. 3) Пентикостаріонъ, въ листъ, въ кожѣ. 4) Слѣдов. Псалтирь, въ листъ, въ кожѣ. 5) Трїодъ Постная, въ листъ, въ кожѣ. 6) Типиконъ, въ 8-ю д., въ кожѣ. 7) Чиновникъ Архіерейскаго служенія, въ листъ въ кожѣ.	}	По печатному каталогукнигъ Московской Синодальной лавки 1892 г. №№ 83, 94. 95, 100, 112, 115 и 119.
- 8) *Прот. Никольскій К.* О службахъ русской церкви, бывшихъ въ прежнихъ печатныхъ богослужебныхъ книгахъ.
 - 9) *Кондаковъ Н.* Русскіе клады. Изслѣдованіе древностей великокняжескаго періода. СПб., 1896 г.

II. Означенныхъ церковно-богослужебныхъ книгъ и изслѣдованій въ академической библіотекѣ не имѣется

Опредѣлили: Поручить библіотекарю Николаю Колосову выписать для академической библіотеки означенныя въ запискѣ книги и изслѣдованія и о послѣдующемъ представить Правленію академіи.

VII. Прошеніе исправляющаго должность доцента академіи Павла *Тихомирова*: „Покорнѣйше прошу Совѣтъ академіи исходатайствовать мнѣ у начальства Императорскаго Московскаго университета разрѣшеніе бесплатно пользоваться книгами университетской бібліотеки“.

Опредѣлили: Просить Совѣтъ Императорскаго Московскаго университета о разрѣшеніи и. д. доцента академіи Павлу Тихомирову бесплатно пользоваться книгами университетской бібліотеки.

VIII. Прошенія:

а) окончившаго въ текущемъ году курсъ въ Московской духовной академіи кандидата богословія Василя *Тропина*: „Во исполненіе воли Вятскаго Епископа Пресвященнаго Алексія, которому я подалъ прошеніе о назначеніи меня въ противораскольническіе миссіонеры, и который предложилъ мнѣ сдать экзаменъ по исторіи и обличенію раскола, имѣю честь покорнѣйше просить Совѣтъ академіи дозволить мнѣ держать экзаменъ по исторіи и обличенію раскола“.

б) Студента III курса Казанской духовной академіи Михаила *Григорьева*:

„Вслѣдствіе суровости Казанскаго климата, особенно рѣзкихъ переменъ температуры, весьма вредно отзывающихся на моемъ здоровьи, желая перейти изъ Казанской академіи въ Московскую, покорнѣйше прошу Совѣтъ Московской духовной академіи принять меня въ число студентовъ III курса“.

Опредѣлили: Прошенія кандидата богословія Василя Тропина и студента III курса Казанской духовной академіи Михаила Григорьева оставить безъ послѣдствій.

IX. Прошеніе экстраординарнаго профессора по кафедрѣ гомилетики и исторіи проповѣдничества Василя *Кипарисова*:

„Представляя при семъ эземпляръ моего сочиненія „О церковной дисциплинѣ“, Сергіевъ Посадъ, 1897 года, покорнѣйше прошу оное подвергнуть разсмотрѣнію въ качествѣ диссертациі на степень доктора богословія“.

Справка: 1) Экстраординарный профессоръ Василій Кипарисовъ—воспитанникъ Московской духовной академіи выпуска 1874 года. Степени магистра богословія удостоенъ

Совѣтомъ академіи, съ утвержденія Его Высочайшаго Императорскаго Высочайшаго повелѣнія, въ октябрѣ мѣсяцѣ 1883 года за представленное и удовлетворительно защищенное имъ сочиненіе подъ заглавіемъ: „О свободѣ совѣсти“, Москва, 1883 г. 2) По § 81 лит. а п. 6 устава духовныхъ академій „распоряженіе о разсмотрѣніи диссертаций на ученые степени значится въ числѣ дѣлъ, окончательно рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ академіи.

Опредѣлили: Сочиненіе экстраординарнаго профессора Василія Кипарисова передать для разсмотрѣнія доценту по кафедрѣ общей церковной исторіи Анатолію *Спасскому*.

X. Заявленіе о. ректора академіи *архимандрита Лаврентія* о томъ, что вторыми рецензентами означеннаго сочиненія, а также принятыхъ рѣше Совѣтомъ академіи (по опредѣленіямъ отъ 7 іюня и 8 августа сего года) къ разсмотрѣнію въ качествѣ диссертаций на соисканіе степени магистра богословія сочиненій преподавателя Вианской духовной семинаріи Ивана *Артоблевскаго*, преподавателя Старицкаго духовнаго училища Алексѣя *Волкова* и бывшаго профессорскаго стипендіата академіи *іеродіакона Ѡаддея* (въ мѣрѣ Ивана *Успенскаго*) онъ назначаетъ членовъ Совѣта: ординарнаго профессора Николая Заозерскаго (сочиненія профессора Кипарисова), исправляющаго должность ординарнаго заслуженнаго профессора Петра Казанскаго (сочиненія преподавателя Артоблевскаго), ординарнаго профессора Петра Цвѣткова (сочиненія преподавателя Волкова) и экстраординарнаго профессора Александра Шостына (сочиненія іеродіакона Ѡаддея).

Справка: Согласно руководственнымъ правиламъ для разсмотрѣнія сочиненій, представляемыхъ на соисканіе ученыхъ богословскихъ степеней, препровожденнымъ при указѣ Святейшаго Синода отъ 23 февраля 1889 года за № 634 „каждое сочиненіе на ученую степень сначала должно быть прочитано, съ надлежащею оцѣнкою, наставникомъ, по предмету котораго писано сочиненіе, затѣмъ однимъ изъ членовъ Совѣта, по назначенію ректора академіи“.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XI. Заявленіе о. ректора академіи *архимандрита Лаврентія* о томъ, что 1) студентъ III курса Василій *Кедровъ* послѣ лѣтнихъ каникулъ сдалъ предъ особо для сего на-

значенными комиссіями изъ гг. наставниковъ академіи устные испытанія по всѣмъ предметамъ III курса и получили слѣдующіе баллы: по церковному праву и исторіи западныхъ исповѣданій—5, русской церковной исторіи и исторіи и обличенію русскаго раскола—5—, Священному Писанію Новаго Завѣта и гомилетикѣ—4¹/₂, педагогикѣ и греческому языку—4+; 2) студентъ того же курса Василій Протопоповъ сдалъ устное испытаніе по педагогикѣ и получилъ баллъ 5—и 3) студентъ II курса Іосифъ *Цисарь* представилъ семестровое сочиненіе по общей церковной исторіи, которое разсмотрѣно было наставникомъ этого предмета и отмѣчено балломъ 4¹/₂.

Справка: 1) По опредѣленію Совѣта академіи отъ 30 апрѣля и 6 іюня текущаго года, съ разрѣшенія Его Высокопреосвященства, означеннымъ студентамъ дозволено было, вслѣдствіе болѣзни, сдать устные испытанія и представить семестровое сочиненіе послѣ лѣтнихъ каникулъ. 2) По § 81 лит. а п. 5 устава духовныхъ академіи „переводъ студентовъ изъ курса въ курсъ“ значитъ въ числѣ дѣлъ, окончательно рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ академіи.

Опредѣлили: Студентовъ III курса Василя Кедрова и Василя Протопопова и II курса Іосифа Цисаря перевести въ слѣдующіе курсы и дать соотвѣтствующіе ихъ успѣхамъ и поведенію мѣста въ спискахъ.

ХII. Прошеніе студента II курса, болгарскаго уроженца, Ивана *Пампулова*:

„По причинѣ болѣзни желудка, отъ которой весь прошлый годъ я страдалъ, о чемъ имѣю и удостовѣреніе нашего академическаго врача, покорнѣйше прошу Совѣтъ академіи разрѣшить мнѣ жить на частной квартирѣ въ Сергіевскомъ Посадѣ“.

Справка: Указомъ Святѣйшаго Синода отъ 28 апрѣля 1887 года за № 1377 Совѣту академіи дозволено разрѣшать студентамъ—иностраницамъ жить внѣ академіи, на частныхъ квартирахъ.

Опредѣлили: Дозволить студенту Ивану Пампулову жить на частной квартирѣ въ Сергіевскомъ Посадѣ.

ХIII. Разсуждали:

А) *О назначеніи студентамъ сочиненій на наступающій учебный годъ.*

Справка: §§ 123—126 устава духовныхъ академій: „Въ теченіе года въ первыхъ трехъ курсахъ студентамъ назначастся не менѣе трехъ сочиненій. Кромѣ того для студентовъ всѣхъ курсовъ обязательно составленіе проповѣдей въ томъ количествѣ, какое будетъ опредѣлено Совѣтомъ академіи.—Сочиненія пишутся по всѣмъ наукамъ, преподаваемымъ въ академіи, но по наукамъ богословскимъ сочиненій должно быть не менѣе двухъ третей общаго ихъ количества. — Студенты IV курса, для полученія ученой степени, пишутъ одно особое сочиненіе на тему богословскаго содержанія.—Темы, какъ семестровыхъ сочиненій, такъ и для диссертаций на ученую степень, предлагаются преподавателями и, по разсмотрѣніи, утверждаются ректоромъ.“

Опредѣлили: 1) назначить студентамъ I, II и III курсовъ по три сочиненія по слѣдующимъ предметамъ:

Въ I курсѣ:

- а) по теоріи словесности и исторіи иностранныхъ литературъ (для студентовъ первой группы) и древней гражданской исторіи (для студентовъ второй группы).
- б) по введенію въ кругъ богословскихъ наукъ } для студентовъ
- в) по библейской исторіи } обѣихъ группъ.

Во II курсѣ:

- а) по патристикѣ } для студентовъ
- б) по библейской археологіи } обѣихъ группъ.
- в) по русскому и церковно-славянскому языкамъ (съ палеографіей) и исторіи русской литературы (для студентовъ первой группы) и новой гражданской исторіи (для студентовъ второй группы).

Въ III курсѣ:

- а) по церковному праву } для студентовъ обѣихъ
- б) по педагогикѣ } группъ.
- в) по исторіи и разбору западныхъ исповѣданій. }

2) Предоставить наставникамъ академіи избрать темы семестровыхъ сочиненій для студентовъ первыхъ трехъ курсовъ и представить ихъ на утвержденіе о. ректору академіи.

3) Для написанія сочиненій студентамъ I, II и III кур-

совѣ назначить слѣдующіе сроки: для перваго сочиненія — съ 5 сентября по 31 октября, для втораго — съ 1 ноября по 20 декабря 1897 года и для третьяго — съ 10 января по 15 марта 1898 года.

4) Предложить студентамъ IV курса избрать темы для кандидатскихъ сочиненій изъ числа данныхъ въ концѣ минувшаго учебнаго года наставниками академіи и утвержденныхъ Его Высокопреосвященствомъ. Срокомъ подачи кандидатскихъ сочиненій назначить 20 апрѣля 1898 года. Не подавшіе сочиненій къ сроку выпускаются изъ академіи съ званіемъ дѣйствительнаго студента.

5) Согласно §§ 12—13 „Правиль объ обязанностяхъ учащихся въ Московской духовной академіи“, требовать, чтобы всѣ студенты представляли свои сочиненія аккуратно къ опредѣленнымъ срокамъ о. инспектору академіи архимандриту Арсенію, который, помѣтивъ время подачи, безотлагательно имѣетъ передавать ихъ тому или другому преподавателю; студенты же первыхъ трехъ курсовъ, не подавшіе сочиненій къ сроку, — немедленно представляли въ Правленіе академіи объясненіе причинъ несвоевременной подачи.

6) Для студентовъ всѣхъ курсовъ назначить по одной проповѣди, при чемъ требовать, чтобы проповѣди представляемы были не позднѣе 7 дней до ихъ произнесенія: студентами IV и III курсовъ — о. ректору академіи архимандриту Лаврентію, а студентами II и I курсовъ — о. инспектору академіи архимандриту Арсенію, изъявившимъ желаніе взять на себя разсмотрѣніе и оцѣнку проповѣдей въ текущемъ учебномъ году. — Росписаніе проповѣдей имѣетъ быть составлено о. ректоромъ академіи.

7) О назначеніи сочиненій сообщить наставникамъ академіи и объявить студентамъ.

Б. О назначеніи стипендіи, оставшихся свободными, своекоштнымъ студентамъ.

Справка: Въ настоящее время свободны слѣдующія стипендіи: одна казенная, освободившаяся послѣ студента II курса Георгія Волосова, уволеннаго изъ академіи по прошенію, двѣ имени А. И. Хлудова по 265 р. каждая, семь Троице-Сергіевой Лавры по 220 р., двѣ имени Н. П. Соколова по 220 р., двѣ имени прот. А. В. Горскаго въ 232 и 220 р.,

двѣ Московской каѳедры по 110 р., по одной имеви: архимандрита Павла и профессора Н. И. Субботина—въ 220 р., П. С. Аксакова для студентовъ изъ южныхъ славянъ—въ 198 р., протоіерея І. В. Рождественскаго — въ 194 р., Преосвященнаго Епископа Никодима — въ 192 р., протоіереевъ Ѳ. А. Голубинскаго и П. С. Делицына—въ 173 р., Ю. Ѳ. Самарина—въ 173 р., Г. И. Хлудова—въ 86 р., одна Московскаго духовенства и каѳедры въ память 25-лѣтія царствованія Государя Императора Александра II—въ 181 р. и одна академическая—въ 210 рублей.

Опредѣлили: 1) Принимая въ руководство утвержденныя Святѣйшимъ Синодомъ положенія о стипендіяхъ, а также вѣдомость объ успѣхахъ и поведеніи студентовъ за мипувшій учебный годъ, назначить: казенную стипендію—студенту 2 курса Петру Бугославскому, двѣ стипендіи А. И. Хлудова—студентамъ II курса Петру Минину и Алексѣю Малинину (пользовавшимся казенными стипендіями); семь стипендій Троице-Сергіевской Лавры—студентамъ: 4 курса Нарбекову Николаю и 3 курса—Разумѣеву Ѳедору, Шаповаленко Григорію, Старокотлицкому Константину, Ротару Ивану, Спроткину Евграфу (пользовавшимся стипендіей Преосвященнаго Епископа Христофора въ 190 р.) и Кохановичу Ѳедору (пользовавшимся стипендіей Московской каѳедры въ 110 руб.); двѣ стипендіи имени Н. И. Соколова—студентамъ 3 курса Предтечевскому Василию (пользовавшемуся стипендіей Г. И. Хлудова въ 86 р.) и 1 курса—Горскому Михаилу; первую стипендію имени прот. А. В. Горскаго (въ 232 р.)—студенту 1 курса Николаю Высоцкому, вторую (въ 220 р.)—студенту 4 курса Павлу Лобанову (пользовавшемуся стипендіей прот. І. В. Рождественскаго въ 194 р.); двѣ стипендіи Московской каѳедры—студентамъ: 4 курса Василию Рождественскому и 1 курса—Сергѣю Покровскому: стипендію имени архимандрита Павла и профессора Н. И. Субботина—студенту 3 курса Николаю Луневскому (пользовавшемуся стипендіей М. А. Хлудова въ 118 р.); стипендію протоіерея І. В. Рождественскаго—студенту 3 курса Алексѣю Смирнову (пользовавшемуся стипендіей Г. И. Хлудова въ 86 р.); стипендію Преосвященнаго Епископа Никодима—студенту 1 курса Дмитрію Чистилину; стипендію протоіереевъ Голубинскаго и Делицына—студенту

2 курса Михаилу Лилееву; стипендію Ю. О. Самарина—студенту 3 курса Евграфу Ринку (пользовавшемуся стипендіей Г. И. Хлудова въ 86 р.); стипендію Г. И. Хлудова—студенту 1 курса Анатолю Виноградову; стипендію Московскаго духовенства и каѳедры—студенту 3 курса Александру Покровскому (пользовавшемуся стипендіей Г. И. Хлудова въ 86 р.) и академическую—студенту 3 курса Ивану Некрасову (пользовавшемуся стипендіей М. А. Хлудова въ 118 р.). 2) Казенныя стипендіи (послѣ П. Минаина и А. Малинина) предоставить студентамъ 2 курса Петру Артамонову (пользовавшемуся стипендіей прот. Невоструева въ 142 р.) и Агаѳону Червинскому (пользовавшемуся стипендіей М. А. Хлудова въ 118 р.), а послѣднія—студентамъ того же курса Александру Другову и Николаю Величкину (пользовавшимися стипендіями Московской каѳедры въ 110 р.); стипендію протоіерея І. В. Рождественскаго (послѣ П. Лобанова)—студенту 2 курса Петру Протопопову; стипендію Пресвященнаго Епископа Христофора (послѣ Е. Сироткина)—студенту 2 курса Евстаію Плотуховичу; двѣ стипендіи М. А. Хлудова (послѣ Н. Луневскаго и И. Пекрасова)—студентамъ: 3 курса Леониду Орлову и 2 курса—Павлу Бутомо; четыре стипендіи Г. И. Хлудова (послѣ В. Предтечевскаго, Е. Ринка, А. Смирнова и А. Покровскаго)—студентамъ 1 курса Григорію Якимову, Ивану Отрѣзову, Павлу Доброгаеву и Владиміру Кантову; три стипендіи Московской каѳедры (послѣ О. Кохановича, А. Другова и Н. Величкина)—студентамъ: 2 курса Владиміру Бѣляеву и Михаилу Ивановскому и 1 курса Моисееву Николаю. 3) Назначеніе стипендіи имени И. С. Аксакова, за отсутствіемъ своекоштныхъ студентовъ-иностранцевъ изъ южныхъ славянъ,—отложить.

С л у ш а л и: XIV. Внесенныя предсѣдателями комиссій, производившихъ повѣрочныя испытанія студентовъ духовныхъ семинарій и другихъ лицъ, явившихся въ академію для поступленія въ составъ новаго (LVI) академическаго курса, *донесенія о достоинствахъ устныхъ и письменныхъ отвѣтовъ, данныхъ на испытаніяхъ:*

а) Донесеніе комиссіи, производившей повѣрочныя испытанія *по догматическому богословію:*

„Изъ 59 студентовъ, подвергавшихся испытанію, боль-

пная часть обнаружили полное, отчетливое и точное знаніе учебника. Отвѣты прочихъ отличались уже меньшею твердостью, ясностью и отчетливостью. Напр., иные библейскіе тексты они знали не съ буквальною точностію. Однако, даже и худшіе отвѣты нельзя признать неудовлетворительными. Какихъ-нибудь особенностей въ отвѣтахъ экзаменовавшихся, достойныхъ замѣчанія, не было усмотрѣно“.

б) Донесеніе комиссіи, производившей повѣрочныя испытанія *по общей и русской церковной исторіи*:

„Результаты повѣрочныхъ испытаній по общей и русской церковной исторіи въ настоящемъ 1897 году выразились слѣдующимъ образомъ. Изъ 58 студентовъ, явившихся на экзамень, высшіе баллы (5, 5—) получили 14 человекъ, — изъ нихъ 8 присланныхъ (Воронежск., 2 Могилев., Москов., Нижегород., Орловск., Псков., Тверск.) и 6 волонтеровъ (Виоанск., 3 Моск., Рязанск., Тул.); низшими же баллами $2\frac{1}{2}$, 2, 2— были отмѣчены отвѣты 6 студентовъ, —исключительно волонтеровъ (Витебск., Виоанск., Воронеж., Моск., Пермск., Тамб.). Въ среднемъ выводѣ все экзаменовавшіеся имѣютъ 3,75, при чемъ отвѣты присланныхъ въ среднемъ выводѣ (4) только на полбалла возвышаются надъ отвѣтами волонтеровъ (3,6). Последнее обстоятельство объясняется тѣмъ, что значительное число присланныхъ дало отвѣты менѣе удовлетворительные, чѣмъ можно было бы ожидать отъ лицъ, рекомендованныхъ семинаріями; такъ, отвѣты четырехъ присланныхъ (Волынск., Калужск., Рижск., Томск.) пришлось отмѣтить даже балломъ 3—. Въ наиболѣе благопріятномъ свѣтѣ выдѣлялись отвѣты студентовъ Московской и Могилевской семинарій, что замѣчено было и на экзаменѣ прошлаго года; наоборотъ, представители Томской семинаріи, какъ въ прошломъ, такъ и въ настоящемъ году оказались довольно слабыми въ своихъ церковно-историческихъ познаніяхъ.

Что касается до недостатковъ, свойственныхъ большинству экзаменовавшихся по общей церковной исторіи, то въ общемъ они представляютъ собою повтореніе тѣхъ, которые наблюдались и на экзаменѣ прошлаго года. Сюда относятся, во-первыхъ, нетвердое и нечетливое усвоеніе фактическаго матеріала, изложеннаго въ учебникѣ. Отвѣчающіе затруднялись въ воспроизведеніи собственныхъ

именъ и спеціальныхъ названій и или совсѣмъ забывали ихъ, или перепутывали до курьезовъ (напр. Феодоръ Мопсуенутскій, Цециліанъ вмѣсто Целестинъ, этетиконъ вм. эно-тиконъ и т. п.). Въ особенности рѣзко этотъ недостатокъ выдѣлялся при отвѣтахъ изъ области исторіи церковной литературы, при чемъ даже общеизвѣстныя творенія церковныхъ писателей, въ родѣ сочиненія „О градѣ Божиѣмъ“ оказывались или совсѣмъ безъ автора, или съ ложнымъ авторомъ. Иногда изъ памяти отвѣчающихъ ускользали очоь крупныя историческія факты и даже цѣлыя отдѣлы; такъ одинъ отвѣчающій отказался излагать исторію IV—VII вселенскихъ соборовъ, о которыхъ послѣдовательно спрашивали его; другой не могъ ничего припомнить объ Аполлинаріи и его лжеученіи. Другимъ существеннымъ недостаткомъ въ отвѣтахъ экзаменовавшихся являлась замѣтная механичность въ усвоеніи содержанія учебника. Она сказывалась въ неумѣннн отвѣчающихъ связать въ одно цѣлое свѣдѣнія, помѣщенные въ разныхъ отдѣлахъ учебника, напр., въ біографію извѣстнаго церковнаго дѣятеля, изложенную въ одномъ отдѣлѣ учебника, внести факты участія его въ общецерковныхъ событіяхъ, указанные въ другой части учебника. Еще яснѣе эта механичность выражается тамъ, гдѣ требовалось разъяснить какое-либо явленіе или дать ему точное опредѣленіе и оцѣнку. Въ подобныхъ случаяхъ небольшая перефразировка вопроса, по сравненію съ тѣмъ, какъ онъ предлагается учебникомъ, ставила отвѣчающаго въ затрудненіе. Нужно, однако, замѣтить, что въ лучшихъ отвѣтахъ всѣ эти недостатки или совсѣмъ отсутствовали, или весьма значительно сглаживались; такіе отвѣты обнаруживали въ экзаменовавшихся какъ твердое знаніе фактической стороны дѣла, такъ и разумное умѣніе изложить усвоенныя свѣдѣнія и надлежаще воспользоваться ими при рѣшеніи предлагаемыхъ комиссіей вопросовъ.

Относительно отвѣтовъ по исторіи русской церкви комиссія должна замѣтить, что почти никто изъ экзаменовавшихся не занимался предметомъ самостоятельно и не знакомился съ пособіями по исторіи русской церкви. У нихъ есть только относительное знаніе какого-нибудь изъ учебниковъ (проф. Знаменскаго, Доброклонскаго, Малицкаго). Но и здѣсь замѣтно скорѣе усвоеніе на память частныхъ

эпизодовъ и мелкихъ фактовъ, чѣмъ вдумчивое представленіе общаго хода исторической жизни русской церкви: отвѣчали гораздо удовлетворительнѣе на вопросы, касающіеся мелочей, напр., хронологическихъ датъ, чѣмъ общія обзорѣнія историческихъ явленій. Въ знаніи собственно историческаго матеріала надо отмѣтить крупный недостатокъ, — студенты обнаруживаютъ невѣжество въ географіи исторической и даже современной; одинъ смѣшиваетъ племена вятичей и вотяковъ, другой представляетъ г. Волоколамскъ въ Олонецкой губерніи. Очевидно, при изученіи предмета студенты не видали историческаго атласа, который употребляется въ семинаріяхъ при изученіи русской гражданской исторіи и для нѣкоторыхъ отдѣловъ церковной исторіи (распространеніе христіанства, исторія монашества) положительнo необходимо“.

в) Донесеніе комиссіи, производившей повѣрочныя испытанія *по латинскому языку*:

„На испытаніи по латинскому языку требовалось отъ испытуемыхъ перевести и объяснить нѣсколько стиховъ изъ Энеиды Виргилія; при этомъ предлагались вопросы по латинской грамматикѣ и назначалось перевести какую-либо небольшую фразу съ русскаго языка на латинскій. Нѣкоторые изъ испытуемыхъ дали очень хорошіе отвѣты; но значительное количество явившихся къ испытанію обнаружили не только полное отсутствіе навыка въ чтеніи латинскихъ текстовъ, но и незнаніе правилъ грамматическихъ и часто употребляемыхъ словъ. Лучшіе отвѣты (5 и 5—) дали—одинъ студентъ Харьковскаго университета и по одному воспитаннику семинарій Рижской и Тверской“.

г) Донесеніе комиссіи, производившей повѣрочныя испытанія *по нѣмецкому языку*:

„На испытаніе по нѣмецкому языку явилось 41 человекъ, — всѣ студенты духовныхъ семинарій. Испытующимся предложено было для перевода нѣсколько главъ изъ Евангелія Іоанна, при чемъ главнымъ образомъ предлагались вопросы по грамматикѣ. Испытанія дали слѣдующія результаты: балль 5, 5—получили 7 человекъ, балль 4, 4—11 человекъ, балль $3\frac{1}{2}$, 3+, 3, 3- 13 человекъ, балль $2\frac{1}{2}$, 2+, 2—10 человекъ. Паплучшіе баллы 5, 5- получили студенты Рязанской, Уфимской, Пермской, Воронежской,

Вологодской и Курской семинарій; наилучшіе баллы 2+, 2 получили студенты Рязанской, Московской, Тульской, Вольнской и Воронежской семинарій“.

д) Донесеніе комисіи, производившей повѣрочныя испытанія *по французскому языку*:

„Экзаменъ по французскому языку держали 15 студентовъ духовныхъ семинарій и одинъ студентъ Харьковскаго университета. За немногими исключеніями экзаменовавшіеся обнаружили умѣнье читать и переводить и удовлетворительное знакомство съ основными правилами французской грамматики. Очень слабыми оказались только ихъ лексическія знанія. Лучшие отвѣты, отмѣченные балломъ 5, принадлежатъ одному волонтеру Виѳанской семинаріи и студенту Харьковскаго университета; неудовлетворительный баллъ (2+) получили два воспитанника Виѳанской семинаріи“.

е) Донесеніе *о сочиненіи по Священному Писанію Новаго Заветъа*:

„Давшій по Священному Писанію Новаго Заветъа тему: „*Почему въ словахъ Господа: „Азъ глаголю вамъ не клятися всяко... буди же слово ваше ей, ей: ни, ни: лишше же сею отъ непріязни есть“ несправедливо усматривать воспреещеніе присяги, какъ такого, Православною Церковью по чину совершаемаго, священнодѣйствія, въ коемъ присягающій клянется именемъ Бога“?*“ кромѣ общей задачи—опредѣлить степень подготовленности экзаменовавшихся къ прохожденію академическихъ курсовъ, имѣлъ въ виду двѣ особыя цѣли: во первыхъ, уяснить уровень развитія и познаній теперешнихъ воспитанниковъ семинарій сравнительно съ прежними, для чего повторена была, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, одна изъ прежнихъ темъ, — и, во вторыхъ, узнать степень подготовленности семинарскихъ воспитанниковъ къ борьбѣ съ распространяющимся въ Россіи рационалистическимъ и мистическимъ сектантствомъ, отрицающимъ присягу и клятву.

Оказалось:

1) Всѣ 58 воспитанниковъ семинарій написали, какъ по содержанію, такъ и по изложенію, болѣе или менѣе удовлетворительныя разсужденія, помѣченныя баллами: 4 $\frac{1}{2}$ —три, 4+ —три, 4—пять, 4- —шесть, 3 $\frac{1}{2}$ —шестнадцать, 3+ девятнадцать, 3—два, 3- —четыре. Особенно выдающихся

сочиненій, какъ по своимъ достоинствамъ, такъ и недостаткамъ, не было.

2) По содержанію теперешнія сочиненія значительно лучше прежнихъ: предметъ раскрытъ полнѣе и основательнѣе, что надо объяснять улучшеніемъ и увеличеніемъ пособій для толкованія священнаго текста. Но въ изложеніи замѣчается меньше сосредоточенности, вдумчивости и стройности; напротивъ даетъ себя знать какая-то разбросанность, торопливость и безсвязность.

3) Къ борьбѣ съ рационалистическимъ и мистическимъ сектантствомъ, но крайней мѣрѣ по данному вопросу, современные воспитанники семинарій оказываются довольно основательно и многосторонне подготовленными“.

ж) Довесненіе *о сочиненіи по основному богословію*:

„Лицамъ, явившимся, чтобы поступить въ составъ новаго курса академіи, для сочиненія по основному богословію была предложена тема: *Какія событія должны быть называемы чудесными!* Прямой отвѣтъ на эту тему находится въ семинарскомъ учебникѣ. Это обстоятельство—совершенно неожиданно—крайне невыгоднымъ образомъ отразилось на работахъ писавшихъ. Въмѣсто того, чтобы по возможности самостоятельно обсудить предложенный вопросъ, они старались только припомнить отвѣтъ, который давался на него въ учебникѣ (если только у нихъ не было учебника подъ руками), и изложеніемъ этого отвѣта ограничили свою задачу. При изложеніи они въ большинствѣ случаевъ не заботились ни о точности выраженій, ни о ихъ литературной отдѣлкѣ. Впечатлѣніе отъ чтенія сочиненій получается очень невыгодное. Недостатки, присущіе почти всѣмъ сочиненіямъ, суть слѣдующіе:

1) Видно, что съ такимъ важнымъ вопросомъ, какъ вопросъ о чудесахъ, воспитанники семинарій (изъ 59 писавшихъ—58 семинаристовъ) знакомы лишь по краткому разсужденію учебника, между тѣмъ въ фундаментальныхъ и ученическихъ семинарскихъ бібліотекахъ имѣется много и капитальныхъ сочиненій, и короткихъ статей и брошюръ, обсуждающихъ этотъ вопросъ (много разсужденій о чудесахъ съ нравственной точки зрѣнія находится у величайшихъ отцовъ церкви). Для выясненія понятія чуда должны быть выяснены напередъ понятія „сверхъестественнаго“ и „естественнаго“.

Въ большей части поданныхъ сочиненій эти понятія преднолагаются извѣстными и не нуждающимися въ выясненіи. Только два воспитанника (присланный—могилевскій и волонтеръ—рязанскій) внимательно остановились на ихъ выясненіи и на опредѣленіи ихъ взаимоотношенія.

2) У авторовъ обнаруживаются непривычка и неумѣнье взвѣшивать силу своихъ словъ и выраженій—качества, которыя въ богословскихъ сочиненіяхъ могутъ приводить къ очень печальнымъ послѣдствіямъ. При опредѣленіи признаковъ, отличающихъ чудеса отъ естественныхъ событій, писавшіе свои мысли облекли въ такую форму, что у нихъ подъ понятіе чуда а) не подходятъ многія чудеса, совершавшіяся и совершающіяся въ православной церкви, и б) подходятъ нѣкоторые естественныя явленія. Такъ въ одномъ сочиненіи написано (присл. орлов.): „истинными чудесами могутъ быть названы *только* чудеса Иисуса Христа и Его апостоловъ“. Въ другомъ сочиненіи (волонт. сарат.) чудеса раздѣляются „на библейскія, церковныя (таинства) и такъ называемыя чудеса (фокусничество)“, истинными авторъ называетъ *только* чудеса библейскія. Въ большей части сочиненій настойчиво проводится мысль, что если чудеса оказываются пріуроченными къ опредѣленному мѣсту и еще болѣе къ опредѣленному времени, то они ни въ какомъ случаѣ не должны быть признаваемы истинными. Авторы упустили изъ вида, что чудотворныя иконы и чудотворныя мощи находятся въ опредѣленныхъ мѣстахъ и что и въ этихъ опредѣленныхъ мѣстахъ наибольшее число исцѣленій, вообще чудотвореній надасть на опредѣленные моменты—на время религиозныхъ торжествъ, на важнѣйшія минуты богослуженія, когда религиозный подъемъ духа дѣлаетъ вѣрующихъ наиболѣе способными принимать чудесную милость Божію. У большинства авторовъ признакомъ чуда указывается полное отсутствіе естественнаго элемента въ событіи. Не нужно много размышлять, чтобы убѣдиться въ совершенной несостоятельности этой мысли. Но авторы, настаивая на ней, въ примѣръ истиннаго чуда обыкновенно приводили раздѣленіе Чермнаго моря отъ удара жезломъ Моисея (одинъ московскій волонтеръ выразился: „отъ удара палкою“), между тѣмъ, если бы они пожелали справиться въ Библии, то узнали бы, что раздѣленіе Чермнаго моря произошло не

отъ удара жезломъ, имѣвшаго лишь символическое значеніе, а отъ того, что „гналъ Господь море сильнымъ восточнымъ вѣтромъ всю ночь и сдѣлалъ море сушею; и разступились воды“ (Исх. XIV, 21). Истинныя чудеса, но утвержденію почти всѣхъ писавшихъ, должны совершаться быстро, безъ всякихъ предваряющихъ дѣйствій, безъ посредства какихъ-либо веществъ или орудій. Едва ли этому требованію быстроты удовлетворяютъ совершавшіяся и совершающіяся чудесныя исцѣленія отъ неизлѣчимыхъ болѣзней и во всякомъ случаѣ всѣмъ этимъ требованіямъ не удовлетворяютъ многія библейскія чудеса (воскрешеніе прор. Ілію сына вдовы—3 Цар. XVII, исцѣленіе пр. Елисеемъ Неемана Сиріянина—4 Цар. V, дарованіе Господомъ зрѣнія слѣпорожденному—Ев. Іоан. IX и мн. др.). Съ другой стороны, указываемыя многими изъ писавшихъ признаки истинныхъ чудесъ—независимость ихъ отъ времени и мѣста и отсутствіе для нихъ видимой достаточной причины—даютъ основанія отнести къ чудесамъ дѣйствія внушенія.

3) Многія сочиненія написаны нескладно и неграмотно, и языкъ нѣкоторыхъ отличается вульгарнымъ характеромъ. Такъ, встрѣчаются выраженія: „Не будучи дѣйствіями сверхъестественными, чудеса отнюдь нельзя назвать дѣйствіями противоестественными“ (волонт. костр.). „Исцѣ (конечное *e* отсутствуетъ) эту мысль можно показать примѣромъ. Возьмемъ, напр. воскрешеніе Лазаря... (волонт. сарат.). „Путешествіе Хансена—событіе удивительное, и его никто не сдѣлалъ“ (волонт. впоанск.). „Можетъ ли простой чело-вѣкъ запретить *бушеваться* морю“ (волонт. моск.), „волхвы совершали событія“ (онъ же). „Подобныя (объ Аполлоніи Тианскомъ и др.) сказанія уже не могутъ быть признаны достовѣрно чудесными“ (волонт. моск.). „Чтобы *представить* себѣ болѣе или менѣе ясное *понятіе*, какія же именно событія“ ... (волонт. моск.). „Всякое событіе, *претендующее* на названіе чуда, должно удовлетворять“ ... (вол. моск., тоже и у вол. ряз.). „Не тутъ то было“ ... (вол. впо.) „Для того, чтобы не попасть въ просакъ, мы должны“ ... (волонт. впоанск.). Часто страдаетъ правописаніе. „Внѣшнія признаки“ (вол. моск.). „Сверхъестественно (съ такимъ правописаніемъ у прислан. московск. встрѣчается 5 разъ). „Влѣхій“ (волонт. черниг.). Встрѣчается и просто безсмыслица. Въ сочиненіи одного московскаго волонтера

встрѣчается такая тирада: „Таковы были напимѣрь чудеса, поражавшія Египтянъ, когда Фараонъ не отпускалъ евреевъ изъ плѣна или чудо перехода евреевъ черезъ *Черное* море, когда Иорданъ раздѣлился предъ ними и они перешли его „яко по суху“. Чудесность событія этого уясняется еще болѣе изъ того, что, когда въ слѣдъ евреевъ направились египтяне, то воды (Иордана? Черпаго моря?) приняли естественное теченіе и потопили Фараона съ войскомъ его“.

Указанные недостатки (1, 2, 3) въ значительной мѣрѣ присущи почти всѣмъ сочиненіямъ, но кромѣ нихъ встрѣчаются еще и другіе не столь общіе, но и не единичныя. Изъ многихъ сочиненій видно, что ихъ авторы имѣютъ неправильный взглядъ на то, какъ различать чудеса и естественныя явленія. Многіе, видно, твердо убѣждены, что это очень легко, но имъ должно бы было быть хорошо извѣстно, что многіе искренно вѣрующіе люди считаютъ для себя открытымъ вопросомъ о характерѣ (естественномъ или чудесномъ?) многихъ событій. Многіе авторы высказывали ошибочныя сужденія о ложныхъ чудесахъ въ естественныхъ религіяхъ. Не ограничиваясь раскрытіемъ того, что эти чудеса были въ сущности естественными явленіями, они допускали такія утвержденія. „*Всѣ* чудеса Магомета имѣли *безнравственную* цѣль“ (волонт. виванск.). „*Всѣ* чудеса, описываемыя въ Коранѣ, *безмысленны*“ (волонт. моск.). „*Всѣ* чудеса, описываемыя въ Талмудѣ и Каббалѣ, имѣютъ *нелюбимый* и *смѣшной* характеръ“ (волонт. моск.). Это — неправда. И въ сказаніяхъ о чудесахъ ложныхъ религій — сказаніяхъ легендарныхъ — есть много серьезнаго и имѣющаго глубоко-нравственную подкладку.

Нѣкоторые сочиненія внушаютъ мысль, что ихъ авторы въ сущности равнодушны къ тому, правда или ложь выходитъ изъ подъ ихъ пера на бумагу. Это чувствуется, когда они съ замѣтно искусственнымъ жаромъ нападаютъ на основателей ложныхъ религій, дѣлаютъ смѣлыя ссылки на никогда невиданныя ими книги (такъ, волонт. виванскій говоритъ, что въ ведахъ рассказывается о служеніи Браммы и Индры Буддѣ при его рожденіи, но въ ведахъ этого не рассказывается) или когда увѣренно приводятъ въ доказательство истинности библейскихъ чудесъ такія свидѣтельства, болѣе чѣмъ сомнительный характеръ которыхъ имъ долженъ былъ быть хорошо извѣстенъ (такъ волонт. московск. пишетъ:

„писатели Талль и Флегонтъ говорятъ—первый о внезапномъ мракѣ, второй о помраченіи солнца, бывшемъ, какъ это можно вычислить, при жизни—авторъ вѣроятно хочетъ сказать: при распятіи?—Иисуса Христа“, но авторъ обязанъ былъ знать, что годъ Рождества Христова, какъ и годъ распятія неизвѣстны съ точностію, поэтому и представленныя имъ свидѣтельства и вычисления не могутъ имѣть дѣйствительно апологетическаго значенія.

Иногда у авторовъ встрѣчается странное согласіе въ ошибкахъ. Такъ три автора (волонтеры—томскій и тульскій, присланный—курскій), говоря о ложныхъ чудесахъ антихриста, согласно цитируютъ 2 Тессал. III, 9—10, вм. 2 Тессал. II, 9—10.

Наконецъ, должно отмѣтить, что въ большинствѣ сочиненій встрѣчается масса описокъ, пропусковъ, недописанныхъ словъ. Въ экспромптахъ это—обычное и естественное явленіе. Но въ данномъ случаѣ эти промахи являются мало извиинтельными. Промахи обнаруживаются у лицъ, подававшихъ сочиненія за довольно значительное время до окончанія срока, назначеннаго для написанія сочиненія (у волонтеровъ: московскаго, подавнаго сочиненіе первымъ; курскаго, подавнаго третьимъ). Эти авторы имѣли полную возможность спокойно и внимательно перечитать свои сочиненія и исправить ихъ. Но, очевидно, они поспѣшили покончить съ предложеннымъ имъ дѣломъ, ограничивъ свой трудъ необработаннымъ изложеніемъ чужого отвѣта на предложенную тему.

Сильное вліяніе учебника, сказавшееся на сочиненіяхъ, сдѣлало то, что различіе въ достоинствахъ большей части изъ нихъ оказывается незначительнымъ. Ихъ нельзя назвать хорошими, такъ какъ въ нихъ не обнаружено самостоятельности, нѣтъ строгой логичности и правильнаго стиля, но ихъ нельзя назвать и безусловно плохими, такъ какъ содержаніе ихъ показываетъ, что авторы сознательно и твердо усвоили семинарскій курсъ основнаго богословія. Немногія сочиненія выдѣляются изъ общей безцвѣтной серіи по своимъ достоинствамъ и немногія по своимъ исключительнымъ и грубымъ недостаткамъ. Лучшее сочиненіе (4¹/₂) принадлежитъ присланному воспитаннику могилевской семинаріи, худшія (3--) волонтеру кишиневской и двумъ волонтерамъ московской семинаріи. Прочія сочиненія по отмѣткамъ распре-

дѣляются такъ: 2 сочиненія по 4+ (присланные воронежскій и моголевскій), 11 сочиненій по 4 (присланные—владимірскій, полтавскій, тверской; волонтеры: виоанскій, екатеринославскій, московскій, рязанскій, два тульскихъ, черниговскій и студентъ 1-го сем. Харьковскаго университета), 13 сочиненій по 4 (присланные: астраханскій, вологодскій; калужскій, московскій, нижегородскій, симбирскій, тифлиссскій; волонтеры—два виоанскихъ, рязанскій, саратовскій, тульскій, уфимскій), 17 сочиненій по 3½ (присланные—волынскій, орловскій, псковскій, рижскій, рязанскій; волонтеры—архангельскій, три виоанскихъ, воронежскій, два московскихъ, костромской, пермскій, два рязанскихъ, томскій), 9 сочиненій по 3+ (присланный курскій; волонтеры—витебскій, курскій, три московскихъ, тамбовскій, томскій и ярославскій), 3 сочиненія по 3 (волонтеры: курскій и два москѡвскихъ)“.

з) Донесеніе *о сочиненіи по психологіи:*

„Темой для сочиненій по психологіи служилъ вопросъ: „Какое участіе принимаетъ воображеніе въ дѣятельности мышленія?“ Этотъ вопросъ нельзя назвать слишкомъ труднымъ; онъ не выходитъ изъ предѣловъ семинарской программы; данныя для его рѣшенія можно найти даже въ семинарскомъ учебникѣ. И тѣмъ не менѣе для большинства экзаменовавшихся онъ оказался не по силамъ. Чтобы показать роль воображенія въ процессахъ мышленія, экзаменовавшіеся обыкновенно прибѣгали къ двумъ незамысловатымъ приѣмамъ. Одни попросту излагали тѣ параграфы учебника Честовича или руководства Гиллревскаго, гдѣ говорится о воображеніи и образованіи представленій, и затѣмъ пытались связать свои рассужденія съ темой посредствомъ слѣдующаго умозаключенія: такъ какъ при помощи воображенія образуются представленія, а изъ представленій потомъ возникаютъ понятія, то „ясно“, что воображеніе доставляетъ мышленію матеріаль. Другіе, въ дополненіе къ этому, брали параграфъ о мышленіи, описывали образованіе понятій, сужденій и умозаключеній и старались показать, что всѣ логическіе процессы основываются на дѣйствіяхъ воображенія или даже прямо сводятся къ нимъ. Такимъ образомъ, первые въ сущности совѣтъмъ уклонялись отъ рѣшенія вопроса, а вторые давали рѣшеніе ложное. За то отъ вниманія экзаменовав-

шихся почти совершенно ускользнули тѣ отдѣлы учебника, гдѣ говорится о различныхъ видахъ умственнаго творчества. Лишь въ немногихъ сочиненіяхъ можно было найти указанія или намеки на участіе воображенія въ научномъ мышленіи: въ построеніи гипотезъ и теорій и въ возникновеніи научныхъ открытій. Еще рѣже встрѣчались намеки на роль этой способности въ философскомъ и религіозномъ мышленіи, въ образованіи міросозерцаній и въ построеніи нравственныхъ и общественныхъ идеаловъ. Наконецъ, почти никто изъ экзаменовавшихся не замѣтилъ дѣятельности воображенія въ символическихъ и аналогическихъ формахъ мышленія, въ возникновеніи конкретныхъ образовъ, метафоръ и сравненій. Если въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ и встрѣчалась случайно выписанная изъ учебника фраза, что воображеніе сообщаетъ понятіямъ наглядность, то смыслъ этой фразы оставался неразъясненнымъ. При этомъ нужно добавить, что почти всѣ экзаменовавшіеся писали исключительно о полезномъ вліяніи воображенія на мышленіе и лишь очень немногіе изъ нихъ догадались отмѣтить его вредную роль. Большинство сочиненій поражаетъ крайнимъ однообразіемъ, безсодержательностью и бѣдностью мысли. Въ нихъ рѣдко можно встрѣтить сколько-нибудь оригинальное развитіе мыслей и еще рѣже можно найти удачный примѣръ или подходящее сравненіе. Не смотря на то, что на русскомъ языкѣ существуетъ не мало хорошихъ и общедоступныхъ психологическихъ работъ, весь запасъ знаній у большинства экзаменовавшихся исчерпывается скудными и отчасти устарѣвшими свѣдѣніями учебника. Но и въ этихъ свѣдѣніяхъ, какъ видно изъ предыдущаго, они не умѣютъ ориентироваться. Они помнятъ формулы учебника въ томъ видѣ, какъ они ихъ заучили, но рѣшительно затрудняются поставить ихъ въ новую связь. Недостатки содержанія сочиненій не вознаграждаются достоинствами изложенія. Въ сочиненіяхъ рѣдко можно найти сколько-нибудь ясный и продуманный планъ. Въ большинствѣ случаевъ они представляютъ собой или рядъ безсвязно набросанныхъ отдѣльныхъ положеній, или какой-то хаосъ нерасчлененныхъ и часто противорѣчивыхъ мыслей. Точно также рѣдко можно встрѣтить хорошій слогъ и умѣнье выражаться. Какъ пишутъ нѣкоторые изъ студентовъ семинарій, можно судить

по слѣдующимъ примѣрамъ. „Приписывать признакъ мы можемъ только тогда, когда мы можемъ мыслить его, такъ сказать, безъ „приписыванія“ къ предмету, т. е. въ отвлеченіи“ (Рязанск. волонт.). „Воображеніе есть способность души по отношенію къ представленіямъ. Какое же отношеніе имѣетъ эта способность по отношенію къ мышленію?“ (Витебск. волонт.). „Дѣятельность воображенія является какъ сила строящая, или, иначе, воображеніе въ душѣ человѣка заявляетъ о себѣ, какъ о силѣ комбинирующей представленія въ извѣстный сложный образъ. Эта дѣятельность воображенія можетъ быть названа ассоціаціей представлений по построению“ (Могилевск. присл.). „Такъ, напр., можно предполагать, что Ньютонъ, сядя подъ яблоней, увидалъ падающее яблоко съ яблони и, благодаря своему воображенію, пришелъ къ мысли о притяженіи небесныхъ тѣлъ къ своему центру“ (Вологод. присл.). Наконецъ, приходится отмѣтить еще одинъ недостатокъ, на который уже не разъ указывалось въ экзаменическихъ отчетахъ: какъ у волонтеровъ, такъ и у присланныхъ, какъ въ плохихъ сочиненіяхъ, такъ и въ хорошихъ (по содержанію), встрѣчаются грубыя грамматическія ошибки. Студенты семинарій пишутъ: „притензія“ (Московск. вол.), „свѣденіе“ (Томск. присл., Московск. вол.), „поколеніе“ (Моск. вол.), „впечатленіе“ (Черниг. вол.), „виденный“ (Вологодск. присл.), „признаки, которыя“ (Рязан. вол.), „впечатлѣнія, которые“ (Моск. вол.), „участвустъ“ (Могилевск. присл.), „составится“ для 3 л. ед. ч. буд. вр. (Рязанск. вол.), „абстрактирующей“ (Тверск. присл., Тамбовск. вол.).

Изъ представленныхъ 59 сочиненій нѣтъ ни одного, которое можно было бы, даже при снисходительныхъ требованіяхъ, оцѣнить высшимъ балломъ. Лучшія сочиненія, отмѣченныя балломъ $4\frac{1}{2}$, написаны двумя присланными воспитанниками Волынской и Рижской семинарій; худшія сочиненія принадлежатъ волонтерамъ семинарій: Архангельской ($2\frac{1}{2}$), Витебской ($2\frac{1}{2}$), Воропежской ($2\frac{1}{2}$), Московской ($2\frac{1}{2}$), Тамбовской ($2\frac{1}{2}$) и Саратовской (2). Какъ и слѣдовало ожидать, сочиненія присланныхъ студентовъ въ общемъ значительно выше работъ волонтеровъ“.

Справка: 1) Указомъ Святѣйшаго Синода отъ 4 декабря 1872 года за № 2489 предписано, чтобы совѣты акаде-

мій въ представляемыхъ въ Святѣйшей Синодѣ донесеніяхъ о составѣ новыхъ курсовъ обозначали поименно, а не сче- томъ, кто изъ державшихъ повѣрочное испытаніе и приня- тыхъ на казенное содержаніе или своскоштными студентами академіи присланъ семинарскимъ начальствомъ и кто при- быль къ таковымъ испытаніямъ по собственному желанію, въ качествѣ волонтера. 2) По распоряженію Г. Оберъ-Про- курора Святѣйшаго Синода, изложенному въ отношеніи къ покойному Высокопреосвященному Митрополиту Москов- скому Иннокентію, отъ 19 сентября 1874 года за № 3412, требуется, чтобы представляемая Святѣйшему Синоду, на основаніи указа онаго отъ 14 іюня 1872 года, свѣдѣнія о пріемѣ студентовъ были сопровождаемы отзывами академич- ескихъ совѣтовъ, по какимъ предметамъ повѣрочнаго испытанія отвѣты поступающихъ въ академію воспитанни- ковъ семинарій были слабѣе, съ обозначеніемъ при томъ, изъ какихъ семинарій воспитанники оказались слабо подго- товленными по тѣмъ или другимъ предметамъ.

Опредѣлили: Представить Святѣйшему Синоду свѣдѣ- нія о составѣ новаго (LVI) академическаго курса съ при- ложеніемъ: а) списка студентовъ семинарій и другихъ лицъ, державшихъ повѣрочныя испытанія въ академіи, съ обозна- ченіемъ достоинства ихъ устныхъ и письменныхъ отвѣтовъ, и б) копій съ донесеній экзаменаціонныхъ комиссій о достоинствѣ отвѣтовъ, данныхъ явившимися на повѣрочныя испытанія лицами.

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвящен- ства: „Сент. 4. Постановленное въ статьѣ третьей испол- нено. — Определеніе по статьямъ II, VI, VII, IX, XI, XII, XIII и XIV приводитъ въ исполненіе. — Прочее смотрѣно“.

29 сентября 1897 года.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ ректора ака- деміи архимандрита Лаврентія, инспекторъ академіи и. д. ординарнаго профессора архимандритъ Арсеній и члены Совѣта академіи, кромѣ профессоровъ М. Муретова, П. Казанскаго и В. Кинарисова, не присутствовавшихъ по болѣзни, и А. Введенскаго — по семейнымъ обстоятель- ствамъ.

Слушали: I. а) Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: Сент. 6. Заготовить дипломъ“, указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 3 сентября за № 4777:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Вашего Преосвященства, отъ 28 мая сего года за № 293, по ходатайству Совѣта Московской духовной академіи объ утвержденіи преподавателя Починковскаго духовнаго училища, кандидата богословія, Никандра *Тихомірова* въ степени магистра богословія за представленное имъ на соисканіе сей степени сочиненіе подъ заглавіемъ: „Галицкая митрополия. Церковно-историческое изслѣдованіе“. Приказали: Преподавателя Починковскаго духовнаго училища, кандидата богословія, Никандра Тихомірова, удостоеннаго Совѣтомъ Московской духовной академіи степени магистра богословія за вышеназванное сочиненіе, утвердить, согласно представленію Вашего Преосвященства и отзыву Преосвященнаго Тобольскаго, въ таковой степени; о чемъ, для зависящихъ распоряженій, послать Вашему Преосвященству указъ“.

б) Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „Сент. 6. Въ совѣтъ академіи“ указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 3 сентября за № 4778:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Вашего Преосвященства, отъ 28 мая сего года за № 294, по ходатайству Совѣта Московской духовной академіи объ утвержденіи исправляющаго должность доцента академіи по кафедрѣ патристики, кандидата богословія, Ивана *Попова* въ степени магистра богословія за представленное имъ на соисканіе сей степени сочиненіе подъ заглавіемъ: „Естественный нравственный законъ“. Приказали: Исправляющаго должность доцента Московской духовной академіи по кафедрѣ патристики, кандидата богословія, Ивана Попова, удостоеннаго Совѣтомъ означенной академіи степени магистра богословія за вышеназванное сочиненіе, утвердить, согласно представленію Вашего Преосвященства и отзыву Преосвященнаго Тобольскаго, въ таковой степени;

о чемъ, для зависящихъ распоряженій, послать Вашему Преосвященству указъ“.

Справка: 1) По § 48 устава духовныхъ академій „для полученія званія доцента надлежитъ имѣть степень не ниже магистра“. 2) По § 53 того же устава доценты утверждаются въ должности Епархіальнымъ Преосвященнымъ.

Опредѣлили: 1) Изготовить для преподавателя Починковскаго духовнаго училища Никандра Тихомирова и исправляющаго должность доцента академіи Ивана Попова дипломы на степень магистра богословія и выдать ихъ по принадлежности. 2) Ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ объ утвержденіи исправляющаго должность доцента академіи, магистра богословія, Ивана Попова въ должности доцента академіи.

II. а) Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „Сент. 4. Въ совѣтъ академіи“ указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 1 сентября за № 4742:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: прошенія сербскихъ уроженцевъ іеромонаха *Платона*, окончившаго курсъ ученія въ Бѣлградской семинаріи, и Луки *Юкичи*, окончившаго курсъ ученія въ Курской духовной семинаріи, о принятіи ихъ въ духовныя академіи на казенное содержаніе. Приказали: Разрѣшить Совѣту Московской духовной академіи принять въ число академическихъ студентовъ I курса сербскихъ уроженцевъ іеромонаха Платона и Луку Юкича и на содержаніе ихъ въ академіи, со дня поступленія въ оную, назначить имъ стипендіи изъ духовно-учебнаго капитала (Отд. I, § 2); о чемъ, для зависящихъ распоряженій, послать Вашему Преосвященству указъ“.

б) Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „Сент. 7. Въ совѣтъ академіи“ указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 5 сентября за № 4849:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ имѣли сужденіе по возбужденному Представителемъ Іерусалимскаго Патріарха въ Россіи ходатайству, вслѣдствіе желанія Патріарха Константинопольскаго, о перемѣщеніи студента Кіевской ду-

ховной академіи Евангела *Саригіани* въ Московскую духовную академію, дабы онъ, находясь близъ Москвы, встрѣчалъ въ Патріаршихъ подворьяхъ отеческій пріютъ, добрый совѣтъ и руководство. Приказали: Во вниманіе къ изъясненному ходатайству, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: перемѣстить студента Кіевской духовной академіи Евангела Саригіани въ Московскую духовную академію, съ переводомъ въ эту послѣднюю, въ установленномъ размѣрѣ, и назначенной ему по Синодальному постановленію 23 мая—4 іюня сего года за № 1708 стипендіи; о чемъ, для зависящихъ распоряженій, послать Вашему Пресвященству указъ“.

в) Заявленіе о ректора академіи *архимандрита Гавриилія* о томъ, что 30 минувшаго августа явился въ академію греческій уроженецъ, окончившій курсъ Халкинскаго богословскаго училища *Теодоръ Евстратіадисъ*, котораго указомъ Святѣйшаго Синода отъ 10 февраля 1897 года за № 712, разрѣшено принять съ пачала 1897⁷/₈ учебнаго года въ число студентовъ академіи, съ назначеніемъ на его содержаніе стипендіи, въ установленномъ размѣрѣ, изъ части доходовъ съ имѣній заграничныхъ монастырей въ Бессарабіи, поступающей въ распоряженіе думлагаго вѣдомства.

Опредѣлили: Сербскихъ уроженцевъ—іеромонаха Платона и Луку Юкича и греческихъ—Евангела Саригіани и Осодора Евстратіадиса внести въ списки студентовъ I курса и сообщить о принятіи ихъ Правленію академіи для зависящихъ распоряженій.

III. Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „Сент. 27. Въ совѣтъ академіи“ указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 25 сентября за № 5224:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали представленіе Вашего Пресвященства отъ 4-го сего сентября за № 481, по ходатайству Совѣта Московской духовной академіи о командированіи экстраординарнаго профессора сей академіи по кафедрѣ метафизики и логики *Алексѣя Введенскаго* за границу для ученыхъ занятій по предмету преподаваемыхъ имъ наукъ, срокомъ на одинъ годъ, съ отпускомъ, сверхъ

получаемаго имъ по службѣ содержанія, единовременнаго пособия изъ Синодальныхъ суммъ. Приказали: Признавая изъясненное ходатайство Совѣта Московской духовной академіи заслуживающимъ уваженія, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: разрѣшить названному Совѣту командировать экстраординарнаго профессора Введенскаго, съ научною пѣлію, за границу срокомъ на одинъ годъ, съ сохраненіемъ получаемаго имъ по должности экстраординарнаго профессора содержанія и, независимо отъ сего, назначить ему, Введенскому, въ пособіе на путевыя издержки и содержаніе за границею *шестьсотъ* рублей изъ духовно-учебнаго капитала; о чемъ, для зависящихъ распоряженій, послать Вашему Преосвященству указъ, а въ Хозяйственное Управленіе выписку изъ сего опредѣленія“.

Опредѣлили: Содержаніе указа Святѣйшаго Синода сообщить (и сообщено) экстраординарному профессору Алексѣю Введенскому и выдать ему необходимыя для поѣздки за границу документы.

IV. Отношенія Канцеляріи Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода:

а) отъ 2 сентября за № 5384: „По утвержденному Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ 21 августа 1897 года докладу Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ, опредѣленъ на духовно-учебную службу дѣйствительный студентъ Московской духовной академіи Иванъ *Рычкинъ* учителемъ русскаго и церковно-славянскаго языковъ въ 1-й классъ Новгородсѣверскаго духовнаго училища съ окладомъ жалованья, положеннымъ для учителей изъ студентовъ духовной семинаріи“.

б) отъ 2 сентября за № 5387: „По утвержденному Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ 21 августа текущаго года докладу Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ, опредѣленъ на духовно-учебную службу кандидатъ Московской духовной академіи Николай *Боголюбовъ* четвертымъ помощникомъ инспектора въ Нижегородскую духовную семинарію съ жалованьемъ изъ мѣстныхъ епархіальныхъ средствъ“.

в) отъ 6 сентября за № 5485: „По утвержденному Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ 30 августа 1897 года докладу Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ, опре-

дѣленъ на духовно-учебную службу кандидатъ Московской духовной академіи Владиміръ *Тимошевъ* помощникомъ инспектора въ Астраханскую духовную семинарію“.

г) отъ 11 сентября за № 5581: „По утвержденному Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ 4-го сего сентября докладу Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ, опредѣленъ на духовно-учебную службу кандидатъ Московской духовной академіи Иванъ *Головановъ* преподавателемъ общительнаго богословія, исторіи и общенія русскаго раскола и мѣстныхъ сектъ въ Новгородскую духовную семинарію“.

д) отъ 19 сентября за № 5808: „По утвержденному Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ 13 текущаго сентября докладу Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ, опредѣленъ на духовно-учебную службу кандидатъ Московской духовной академіи Василій *Воскресенскій* помощникомъ инспектора въ Кутаисскую духовную семинарію“.

е) отъ 19 сентября за № 5809: „По утвержденному Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ 13 текущаго сентября докладу Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ, опредѣленъ на духовно-учебную службу кандидатъ Московской духовной академіи Петръ *Нагоровъ* помощникомъ инспектора въ Пермскую духовную семинарію“.

ж) отъ 19 сентября за № 5819: „По утвержденному Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ 13 текущаго сентября докладу Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ, опредѣленъ на духовно-учебную службу кандидатъ Московской духовной академіи Александръ *Сахаровъ* помощникомъ инспектора въ Волынскую духовную семинарію“.

з) отъ 19 сентября за № 5822: „По утвержденному Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ 13 сентября 1897 г. докладу Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ, опредѣленъ на духовно-учебную службу дѣйствительный студентъ Московской духовной академіи Никаноръ *Орловъ* помощникомъ инспектора въ Новгородскую духовную семинарію“.

Къ сему Канцелярія Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода присовокупляетъ, что объ ассигнованіи слѣдующихъ упомянутымъ лицамъ, по положенію, денегъ сообщено Хозяйственному Управленію при Святѣйшемъ Синодѣ.

Справка: По распоряженію о. ректора всеѣмъ выше-означеннымъ воспитанникамъ академіи дано знать о состоявшемся назначеніи ихъ на духовно-учебную службу.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

V. Отношеніе С.-Петербургской Духовной Консисторіи отъ 4 сентября за № 4593: „Въ виду состоявшагося 28 минувшаго августа опредѣленія кандидата богословія Московской духовной академіи выпуска 1897 года Николая *Попова* на вакансію псаломщика православныхъ церквей въ городахъ По и Біаррицѣ (въ Южной Франціи), С.-Петербургская Духовная Консисторія имѣетъ честь просить Совѣтъ академіи препроводить въ сію Консисторію документы Попова“.

Опредѣлили: Документы окончившаго въ текущемъ году курсъ кандидата академіи Николая Попова выслать въ С.-Петербургскую Духовную Консисторію.

VI. Прошеніе исправляющаго должность ординарнаго, заслуженнаго профессора академіи по кафедрѣ исторіи филозофіи, Статскаго Совѣтника, Петра *Казанскаго*: „Послѣ почти тридцатитрехлѣтней службы я чувствую ослабленіе своего здоровья, пренятствующее мнѣ съ надлежащею исправностію исполнять обязанности, соединенныя съ должностію профессора академіи; потому усердно прошу Совѣтъ Московской духовной академіи ходатайствовать предъ начальствомъ объ увольненіи меня отъ должности профессора и о назначеніи мнѣ пенсіи за мою службу“.

Справка: 1) По § 81 лит. в. п. 5 устава духовныхъ академій увольненіе профессоровъ отъ занимаемыхъ ими должностей значится въ числѣ дѣлъ Совѣта академіи, представляемыхъ, чрезъ Епархіальнаго Пресвященнаго, въ Святѣйшій Синодъ. 2) На основаніи дѣйствующихъ законоположеній по инспекторской части гражданскаго вѣдомства о служебныхъ перемѣнахъ по должностямъ V и VI классовъ, для внесенія ихъ въ общій Высочайшій приказъ, подлежащія начальства, отъ которыхъ, по силѣ дѣйствующихъ законовъ, зависитъ назначеніе на должности или увольненіе отъ оныхъ, входятъ съ представленіями непосредственно въ Инспекторскій Отдѣлъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, при чемъ къ представленіямъ прилагаются вѣдомости со свѣдѣніями о лицѣ, назна-

чаемомъ на должность или увольняемомъ отъ оной, по установленной формѣ. 3) По § 94 лит. в. п. 5 (примѣчаніе) устава духовныхъ академій дѣла о назначеніи пенсій и пособій служащимъ при академіи представляются Правленіемъ академіи Епархіальному Преосвященному для надлежащихъ сношеній съ Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Синода.

Опредѣлили: 1) Просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ увольненіи исправляющаго должность ординарнаго, заслуженнаго профессора академіи по кафедрѣ исторіи философіи, Статскаго Совѣтника, Петра Казанскаго отъ службы при академіи съ мундиромъ, занимаемой имъ должности присвоеннымъ; при семъ приложить требуемыя закономъ свѣдѣнія о профессорѣ П. Казанскомъ для представленія ихъ въ Инспекторскій Отдѣлъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. 2) Дѣло объ исходатайствованіи профессору П. Казанскому пенсіи передать въ Правленіе академіи.

VII. Отзывы о диссертациі экстраординарнаго профессора академіи по кафедрѣ гомилетики и исторіи проповѣдничества Василія *Кипарисова* подъ заглавіемъ: „О церковной дисциплинѣ“. Сергіевъ Посадъ, 1897 г., представленной на соисканіе степени доктора богословія:

а) Ординарнаго профессора по кафедрѣ церковнаго права Николая *Заозерскаго*:

„Свое ученое изслѣдованіе авторъ предваряетъ лишь краткою замѣткою, свидѣтельствующею о томъ, что избранный предметъ изслѣдованія есть плодъ долговременнаго труда автора, такъ какъ нѣкоторые трактаты, вошедшіе въ изслѣдованіе, были напечатаны еще въ 1884—1886 гг. въ „Прибавленіяхъ къ Твореніямъ Св. Отцевъ“. Непосредственно за симъ начинается и самое изслѣдованіе.

Въ первой главѣ подъ рубрикою: „Ученіе вѣры и дисциплина въ ихъ взаимоотношеніяхъ“ (1—93) авторъ сообщаетъ обширныя и обстоятельныя свѣдѣнія изъ каноническаго законодательства и святоотеческой литературы, а затѣмъ—изъ отечественной богословской литературы по вопросу о различіи области догматической—ученія вѣры—и области дисциплины—правилъ христіанской жизни. Побу-

дительною причиною къ столь обширнымъ изысканіямъ послужила для автора живо сознавая имъ важность вопроса: есть-ли это различіе двухъ областей вѣры и дисциплины только пріемъ богословской науки, или же это — требованіе самой церковной жизни, обусловливаемое историческимъ ея ходомъ. Разрѣшая этотъ вопросъ, авторъ представляетъ прежде всего историческое объясненіе самаго термина „disciplina“. Древнѣйшій примѣръ церковнаго употребленія его онъ указываетъ въ такъ называемомъ Мураторіевомъ фрагментѣ, затѣмъ весьма подробно останавливается на твореніяхъ Тертуліана, какъ перваго изъ латинскихъ богослововъ-писателей, у котораго терминъ disciplina употребляется устойчиво и систематически, какъ неподлежащій недоразумѣніямъ терминъ (стр. 8—9). Съ таковою же обстоятельностью разсматривается далѣе употребленіе термина „дисциплина“ въ твореніяхъ священномученика Кипріана, архіеп. Карфагенскаго, и бл. Августина. — Своими изысканіями авторъ достигъ того, что вполнѣ основательно доказалъ глубокую древность различенія въ западной церкви областей вѣры и дисциплины, изъ коихъ первая характеризуется какъ совокупность того, *quae credenda sunt*, вторая — какъ совокупность того, *quae agenda sunt*.

Переходя затѣмъ къ обзорѣнню древней восточно-греческой богословской литературы, какъ святоотеческой, такъ и капопической, авторъ замѣчаетъ, что здѣсь самый терминъ „дисциплина“, какъ терминъ чуждаго языка, конечно, не употреблялся, но различіе областей вѣры и дисциплины, хотя иногда безъ яснаго употребленія условной терминологіи, есть фактъ, не подлежащій сомнѣнію, и замѣчается почти столь же рано, какъ и у писателей латинскихъ (стр. 27). Это положеніе и доказывается затѣмъ обильными свидѣтельствами изъ твореній Оригена, св. Василія Великаго и изъ правилъ вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ. Въ качествѣ наиболѣе употребительныхъ терминовъ, встрѣчающихся здѣсь для выраженія понятія дисциплины, авторъ указываетъ термины *πολιτεία* и *οἰκονομία*. — Многочисленными примѣрами онъ доказываетъ, что этими терминами дѣйствительно означается не только то, что на западѣ обозначается терминомъ disciplina, но и то, что они всегда поставляются въ такое же отношеніе къ *δόγματι*, въ какомъ

на западъ поставляется *disciplina* къ *doctrina*. — По въ особенности въ заслугу автору должно быть вмѣнено, по нашему мнѣнію, основательное разъясненіе терминовъ *δού-
ματα* и *χορήματα* по употребленію ихъ въ 91 правилѣ св. Василія Великаго. Особенный смыслъ термина *δούμα*, какой приданъ здѣсь св. отцемъ, давно уже обращалъ на себя вниманіе богослововъ западныхъ и русскихъ, равно какъ издателей и переводчиковъ твореній этого великаго отца и учителя церкви. Опираясь на авторитетные переводы, какъ иностранные, такъ и отечественные, но главнымъ образомъ на авторитетъ отечественнаго богослова архіепископа Филарета (Гумилевскаго), авторъ предлагаетъ объясненіе этихъ терминовъ, съ одной стороны, вполне гармонирующее съ общою мыслью правила, съ другой—удовлетворительно разрѣшающее многія очень важныя недоумѣнія, возникающія при чтеніи этого правила (стр. 40—50).

Но отдавая автору должную дань признательности за основательное выясненіе понятій: догматъ, дисциплина, политія, экономія, представляемое первою главою его книги, нахожу однако же не лишнимъ сдѣлать замѣчаніе о нѣкоторомъ *опущеніи*, здѣсь имъ допущенномъ. Авторъ совѣмъ оставляетъ безъ разъясненія отношеніе понятій: „*дисциплина* церкви“ и „*право* церкви“. Конечно, для цѣли автора—раскрыть понятіе и свойства церковной дисциплины—требовалось ближайшимъ образомъ отграничить область ея отъ области вѣроученія, именно, въ виду нерѣдкаго смѣшенія ихъ, напр., нашими раскольниками, — и онъ это сдѣлалъ: но вѣдь и понятія *право*, *законъ* и *дисциплина* тѣсно также близко смежныя понятія и если возможны случаи неразличенія ихъ—что нерѣдко, напр., встрѣтитъ у протестантскихъ канонистовъ, то отсюда ясно слѣдуетъ обязанность для автора разграничить и эти понятія.

Во 2-й главѣ подъ рубрикою: *Существо дисциплины и ея свойства* (94—133) авторъ, на основаніи правилъ вселенскаго законодательства и святоотеческой литературы, выясняетъ, что сущность дисциплины составляетъ *порядокъ* церковной жизни, наблюдаемый какъ въ общественной дѣятельности служащихъ и властныхъ въ церкви лицъ, такъ и въ частной дѣятельности и отношеніяхъ всѣхъ членовъ церкви. Въ такомъ значеніи совокупность предписаній и

требованій дисциплины въ языкѣ каноническаго права восточной церкви обозначается терминами *τάξις* и *εὐταξία*. Разрѣшная далѣе вопросъ о *цѣли*, съ какою церковь обращается съ своими дисциплинарными требованіями къ членамъ своимъ, авторъ различаетъ здѣсь двоякое направленіе дисциплины: она имѣетъ въ виду или *благообразіе*, или благоустройство („вся благообразно и по чину да бываютъ“), осуществленіемъ каковаго стремленія и является однообразіе въ дѣйствіяхъ членовъ, или же *пользу* (*salus ecclesiae*) церкви, какъ цѣлаго, такъ и въ частности отдѣльныхъ ея членовъ. Въ этой природѣ дисциплины и ея свойствахъ коренится и дальнѣйшее непремѣнное ея свойство—*измѣняемость*, разсмотрѣнію котораго авторъ посвящаетъ особенную дальнѣйшую главу.

Эта 3-я глава подъ рубрикою: *Вопросъ объ измѣняемости церковной дисциплины* (стр. 134—222) по важности своего содержанія и по трудности вопросовъ, въ ней разрѣшаемыхъ, должна быть признана важнѣйшею, такъ сказать, центральною частью изслѣдованія автора.

Измѣняемость дисциплины естественно обусловливается измѣняемостью условій мѣста и времени, въ которыхъ живетъ церковь. Отсюда, при неизмѣняемости цѣли церковной дисциплины, средства достиженія ея необходимо должны разнообразиться. И этотъ взглядъ на церковную дисциплину не чуждъ былъ глубокой христіанской древности. Изъ допикейскаго періода церковной литературы авторъ указываетъ данныя для рѣшенія этого вопроса въ сочиненіяхъ Привея, Тертуліана, Оригена и Кипріяна; въ послѣдующее время этотъ же вопросъ разсматривается въ твореніяхъ св. Василія Великаго и въ правилахъ соборовъ и отцовъ церкви. Главный интересъ, такъ сказать центръ тяжести, къ которому сводятся изысканія автора, представляетъ вопросъ: можетъ ли быть эта измѣняемость церковной дисциплины безграничною, или же ей долженъ быть поставленъ какой-либо предѣлъ? Но этотъ вопросъ стоитъ въ неразрывной связи прежде всего съ вопросомъ о значеніи древнихъ правилъ дисциплины для новѣйшихъ временъ: „если древній канонъ абсолютно обязателенъ для всѣхъ временъ; то этимъ самымъ уже намѣчаются предѣлы измѣняемости дисциплины по крайней мѣрѣ въ одну сторону, именно: дисциплина,

очевидно, можетъ быть только *дополняема*, но не можетъ быть измѣняема за предѣлы нормъ, прямо установленныхъ древнимъ канонемъ. Но спеціально для русскаго канониста этотъ вопросъ неизбежно соединяется затѣмъ и еще съ вопросомъ о *законченности канона*, или съ вопросомъ о томъ, какъ должно понимать 2-ое правило Трулльскаго собора, утвердившаго за нѣкоторыми древними правилами свойства неизмѣняемости („*никому да не будетъ позволено вышеозначенныя правила измѣнять, или отмѣнять, или кромѣ предложенныхъ правилъ примати другія*“.).

Таковымъ постановленіемъ, — разсуждаетъ авторъ, — Трулльскій соборъ „*повидимому* сдѣлалъ нѣкоторыя правила греческихъ соборовъ и греческихъ отцовъ абсолютно недопускающими какого-либо отступленія отъ нихъ и *повидимому* призналъ свойство истинной каноничности за тѣми только рѣшеніями многихъ дисциплинарныхъ вопросовъ, какіе давались восточными соборами, чѣмъ *какъ будто бы* рѣшительно исключается возможность принятія многихъ дисциплинарныхъ рѣшеній также древняго времени, но западно-церковнаго происхожденія (стр. 152—153)“.

Такъ поставилъ и опредѣлилъ себѣ авторъ задачу, рѣшеніе которой составляетъ предметъ разсматриваемой главы.

Задача, какъ это ясно видно, не изъ легкихъ. Какъ же онъ разрѣшилъ ее?

Не входя въ ближайшее разсмотрѣніе текста правилъ Трулльскаго собора, авторъ указываетъ прежде всего на то, что дѣйствительно существуютъ довольно обоснованныя теоріи абсолютной обязательности древнихъ каноневъ, въ коей и указываются предѣлы измѣняемости церковной дисциплины (Самымъ виднымъ представителемъ такой теоріи у насъ является Іоаннъ, епископъ Смоленскій, въ „Опытѣ курса церковнаго законовѣдѣнія“). Но, — замѣчаетъ авторъ, — во-первыхъ, эта теорія встрѣчаетъ сильныя возраженія въ томъ фактѣ, что множество изъ древнихъ каноневъ теперь уже *оставлено* (указывается рядъ примѣровъ, стр. 153—159). Во-вторыхъ, существуетъ нѣсколько такихъ теоретическихъ посылокъ, слѣдствіемъ которыхъ выходитъ, что нѣкоторыя древнія постановленія и *должны быть оставлены*: таковы временныя и мѣстныя (нѣсколько такихъ примѣровъ авторъ указываетъ въ Книгѣ Правилъ съ объяснительными примѣ-

чаніями Святѣйшаго Синода). Эти факты, — замѣчаетъ авторъ, — даютъ основаніе для другой совершенно противоположной теоріи, неоднократно заявлявшей себя въ русской богословской литературѣ. Такъ, покойный профессоръ Чельцовъ разсуждалъ: „Только догматы имѣютъ безусловно—обязательную силу для всѣхъ мѣстъ и временъ; распоряженія же церковныхъ властей касательно вещей среднихъ... имѣютъ только условную силу въ извѣстныхъ предѣлахъ времени и мѣста. Ибо не старымъ хартіямъ и помоканонамъ заповѣдалъ намъ Апостоль повиноваться, а дѣйствительнымъ наставникамъ нашимъ, которые заботятся о нашемъ спасеніи, зная именно наши духовныя нужды и имѣя долгъ удовлетворять ихъ“ (цитаты иѣтъ—стр. 160).

Вотъ двѣ крайнія теоріи, которыя встрѣтилъ авторъ въ богословской литературѣ въ качествѣ руководства и пособія въ рѣшеніи своей трудной задачи.

Совершенно отвергнувъ послѣднюю изъ этихъ теорій, какъ совсѣмъ крайнюю, авторъ подробно останавливается на разсмотрѣніи теоріи Юліана Смоленскаго, утверждающей неприкосновенность древней дисциплины и законченность канона на основаніи 2 правила Трулльскаго собора.

Этому разсмотрѣнію удѣлены авторомъ стр. 160—172.

Вчитываясь въ эти страницы, нельзя не замѣтить, что автору стоили они весьма сильнаго умственнаго напряженія; имъ представлены очень вѣскіе аргументы и соображенія, подрывающіе разсматриваемую имъ теорію и указывающіе на иное болѣе удовлетворительное рѣшеніе вопроса, чѣмъ какое даетъ она; но въ то же время нельзя не замѣтить и того, что и самъ авторъ какъ будто не удовлетворенъ, недоволенъ собою, т. е. не вышелъ съ полною побѣдою изъ представившагося затрудненія. Это видно изъ того необыкновенно скромнаго тона, какимъ высказываетъ авторъ свои сужденія, выводы, въ существѣ вѣрные и добытые съ большими усиліями, напр.: „мы хотѣли бы сказать, — говорить онъ, — что эта законченность пока еще должна считаться только научнымъ мнѣніемъ“ (стр. 173). Или: „нельзя не согласиться съ воззрѣніями *нѣкоторыхъ*, что „смысла законченности канона указанное Трулльское правило не имѣетъ“ (ссылка на курсъ церковнаго права проф. П. С. Суворова) (стр. 165). Отчего же эта неудовлетворенность, эта край-

няя скромность въ собственныхъ сужденіяхъ, имѣющихъ за себя и аргументы и авторитеты? Очевидно отъ того, что авторъ не можетъ освободиться отъ ощущенія того давленія, которое производятъ на него эти неумолимая слова отцевъ Трулльскаго собора: „*никому да не будетъ позволено вышеозначенныя правила измѣнять, или отмѣнять, или кромѣ предложенныхъ правилъ примати другія*“,— слова эти остаются во всей своей силѣ, ни мало не поколеблемой ни разсужденіями автора, ни авторитетомъ проф. Суворова: не даромъ же эти два слова: *Трулльскій соборъ* встрѣчаются у автора на каждой изъ означенныхъ страницъ и даже по нѣскольку разъ! Въ чемъ же дѣло?

Дѣло въ нѣкоторомъ *опущеніи*, допущенномъ здѣсь авторомъ. Онъ слишкомъ довѣрился экзегетическому авторитету преосв. Иоанна Смоленскаго, не подвергъ самостоятельному разсмотрѣнію текста Трулльскаго правила и не сдѣлалъ маленькой справки въ исторіи кодификаціи каноническаго права, а именно:

а) Вышеозначенныя слова правила Трулльскаго собора, взятыя въ *контекстъ* (а не отрывочно), имѣютъ совсѣмъ иной смыслъ, чѣмъ какой придаютъ имъ крайніе защитники теоріи законченности канона. Конецъ правила читается такъ: „*никому да не будетъ позволено вышеозначенныя правила измѣнять (περὶ ἀρρίττειν) или отмѣнять (ἀθετεῖν), или кромѣ предложенныхъ правилъ примати другія, съ подложными надписаніями составленныя нѣкими людьми, дерзнувшими корчемствовати истиною. Аще же кто обличенъ будетъ, яко нѣкое правило изъ вышепереченныхъ покусился измѣнить (καίτοι μὲν) или превратити (ἀστρέψει).* таковой будетъ повиненъ противъ того правила понести эпитимію, каковую оно опредѣляетъ, и чрезъ оное врачуемъ будетъ отъ того, въ чемъ преткнулся“.

Кто будетъ читать весь этотъ отрывокъ правила безъ всякой предвзятой мысли, тотъ увидать, что здѣсь и намекъ нѣтъ на какую-то *законченность* канона, а есть только одна мысль о *неприкосновенности текста* правилъ, подвергнутыхъ отцами Трулльскаго собора тщательной ревизіи и перечисленныхъ въ началѣ разсматриваемаго правила. Отцы вооружаются противъ искаженія и фальсификаціи

текста и *состава* (или количества) правилъ злонамѣренными людьми, дерзающими кормчествовать истинною, т. е. *свои измыслинія* выдавать за правила соборовъ или свв. отцевъ. А если обратить вниманіе на греческій (т. е. подлинный) текстъ этого правила, то нельзя не подивиться тому, что отцы Трулльскаго собора, какъ будто предвидя иное толкованіе своихъ словъ, съ особенною заботливостью выбирали даже отдѣльные термины для наиточнѣйшаго и наияснѣйшаго выраженія *этой именно* своей мысли. Слово *παράρρηται* (по русски переведено—*измѣнять*) значить именно *поддѣлывать монеты* или *документы*; отцы рѣшительно заврещаютъ искажать *текстъ* правилъ или же выбрасывать (*ἀθετεῖν*) изъ состава подлинныхъ какое-либо правило, или же наоборотъ увеличивать этотъ составъ подложными правилами. А что это зло дѣйствительно въ древности имѣло мѣсто, въ томъ убѣждаютъ массы древнихъ каноническихъ сборниковъ, на ряду съ подлинными правилами содержащихъ множество подложныхъ, напр. *съ именемъ Апостольскихъ, собора Никейскаго, Халкидонскаго, V-го вселенскаго и проч.*, или же—рядомъ съ правилами подлиннаго текста—правила съ текстомъ *крайне искаженнымъ*.

б) Справка съ исторіею кодификаціи каноническаго права показываетъ, что отцы Трулльскаго собора вовсе не имѣли въ виду какъ-либо ограничивать законодательную власть и дѣятельность церкви будущаго (мысль уже и сама по себѣ странная и св. отцевъ недостойная!). Даже и изъ дошедшихъ до нихъ правилъ соборныхъ и святоотеческихъ они не позволяли выбирать по своему произволу тѣ, какія, напр., были имъ угодны, но ограничились тѣмъ лишь, что тщательно изслѣдовали уже готовый, сложившійся и долгое время бывший въ церковномъ употребленіи *сводъ* или *синтагму правилъ*. Насколько въ этомъ отношеніи сами они были умѣренны, объ этомъ свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что изъ состава этого свода они не только *не выбросили ни одного правила* (хотя отъ себя сдѣлали новыя постановленія, съ прежними, т. е. ими такъ тщательно *оберегаемыми*, далеко не согласныя), но даже не измѣнили *порядка* въ перечнѣ правилъ, каковой имѣлся въ ревизованномъ ими сводѣ. Дабы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только сравнить этотъ перечень и порядокъ слѣдованія правилъ

во 2-мъ правилѣ Трульскаго собора съ перечнемъ и порядкомъ, принятыми въ сводѣ Іоанна Схоластика и въ особенности въ Синтагмѣ въ XIV титуловъ, впоследствии обработанной, дополненной и изданной патріархомъ Фотіемъ подъ названіемъ *номоканона*: перечень и порядокъ тутъ и тамъ одинаковы.

Далѣе, та же справка въ исторіи кодификаціи каноническаго права показываетъ, что такъ называемая теорія законченности канона имѣетъ свое довольно твердое историческое основаніе, но только не во 2-мъ правилѣ Трульскаго собора, а въ иномъ обстоятельстве, и смыслъ ея нѣсколько иной, отличный отъ того, какой ей придаютъ русскіе и иностранные ея поклонники, а именно: во всѣхъ доселѣ извѣстныхъ номоканонахъ и кормчихъ книгахъ слово *καρόρες* исключительно усваивается только правиламъ, перечисленнымъ во 2-мъ правилѣ Трульскаго собора, затѣмъ—правиламъ VII-го вселенскаго собора и наконецъ правиламъ двухъ помѣстныхъ Константинопольскихъ соборовъ, бывшихъ при патріархѣ Фотіи—и только. Группа этихъ правилъ съ наименованіемъ *καρόρες* и составляла всегда, какъ и доселѣ составляетъ, 1-ю (каноническую) часть номоканонъ и кормчихъ книгъ. Въ этомъ единственное, хотя—надобно признать—и довольно прочное основаніе теоріи законченности канона. Но это обстоятельство отнюдь не означаетъ, будто съ X-го вѣка, т. е. съ завершеніемъ канонической части номоканона, уже и прекратилась канонически законодательная дѣятельность церкви. Совсѣмъ наоборотъ. Патріаршіе синоды (Константинопольскаго и прочихъ патріархатовъ) и отдѣльные іерархи восточные, равно какъ соборы, митрополиты и патріархи русскіе, болгарскіе и сербскіе издавали весьма много и очень важныхъ опредѣленій и даже не только по предметамъ *дисциплины*, но и по вопросамъ чисто *догматическаго* характера, и многія изъ этихъ опредѣленій имѣли весьма продолжительное значеніе во всѣхъ православныхъ церквахъ и даже вносились въ качества церковныхъ законовъ въ номоканоны и кормчія книги. Но эти опредѣленія всегда были отличаемы отъ группы правилъ вселенскаго канона, отличаемы даже своими названіями, ибо они назывались не *καρόρες*, но: *τόμος, σημείωμα, πράξις, ψήφισμα, απόφασις, ἐτόμια, χάρισμα, απόκρισις, λίθαι, τιτέλιον,*

οὐ ἄλλιοι, ἐπιστολή) и пр. и если какія либо изъ этихъ опредѣленій церковныхъ вносились въ номоканоны или кормчія, то лишь во вторую часть, но отнюдь не смѣшивались и не уравнивались въ своемъ достоинствѣ и авторитетѣ съ канонами.

Изъ сего слѣдуетъ, что „законченность канона“ не только не препятствовала дальнѣйшему развитію дисциплинарныхъ правилъ, а даже, напротивъ, содѣйствовала, давъ собою для него прочное основаніе и образецъ. Укажемъ для примѣра на то обстоятельство, что на основаніи только одного 102-го правила Трулльскаго собора создалась со временемъ цѣлая масса такъ называемыхъ эпитимійныхъ номоканоновъ, которыми руководствовались и доселѣ руководствуются православные духовники въ своей исповѣднической практикѣ; а на основаніи 53 и 54 правилъ того же Трулльскаго собора образовалась со временемъ цѣлая масса церковныхъ правилъ отчасти упраздненныхъ, отчасти и доселѣ дѣйствующихъ по вопросу о степеняхъ свойства и духовнаго родства, какъ препятствій ко вступленію въ бракъ.

Таковы результаты сдѣланной нами справки въ исторіи кодификаціи каноническаго права. Они показываютъ ясно, что если бы г. Кипарисовъ не сдѣлалъ указаннаго нами опущенія, онъ со всею рѣшительностью выступилъ бы въ своей книгѣ съ заявленіемъ, что отстаиваемое имъ право церкви усовершенствовать и измѣнять по требованію обстоятельствъ церковную дисциплину не противорѣчитъ ни 2-му правилу Трулльскаго собора, ни теоріи законченности канона, мнимо на немъ основывающейся.

Въ дальнѣйшихъ своихъ изслѣдованіяхъ авторъ рѣшаетъ вопросъ: какъ и гдѣ найти предѣлы измѣняемости дисциплины? Основнымъ тезисомъ этихъ изслѣдованій служитъ слѣдующій: „Дисциплина, стоящая въ связи съ истинами Откровенія, не можетъ быть измѣняема, какъ скоро фактъ этой связи установленъ компетентной церковной властью.... Наоборотъ, все, что указаннымъ критеріемъ не устанавливается, какъ неизмѣнное дѣйствительно, можетъ подлежать измѣненію, но конечно не по неограниченному произволу каждаго, а по указанію потребностей общей церковной жизни (стр. 181).

Подробное раскрытіе этого тезиса привело автора къ

слѣдующему выводу: „Теорія измѣненія дисциплины, если ее основывать на обобщеніи историческихъ фактовъ, въ главныхъ чертахъ своихъ можетъ быть выражена такъ: въ дисциплинарныхъ постановленіяхъ Церкви *всѣ элементы условныя*, т. е. мѣстные и временныя, *бывали*, въ теченіи исторіи церкви, а слѣдовательно *могутъ быть* и теперь *измѣняемы*. Мудрость Церкви и богодарованная ей права въ томъ и выражались, что все условное въ дисциплинѣ не было удерживаемо во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда или явились измѣненіе обстоятельствъ, бывшихъ при первоначальномъ изданіи церковнаго постановленія, дѣлало сохраненіе стараго порядка лишь безъ пользы усложняющимъ церковную жизнь, или, наоборотъ, когда это же измѣненіе обстоятельствъ приводило къ необходимости дать единообразный порядокъ тому, что доселѣ не было приведено къ единообразію, будучи предоставлено вліянію мѣстныхъ условій, или же, наконецъ, когда настаивать на сохраненіи первоначальнаго установленія было явной противностью природѣ дѣла, т. е. когда принятую дисциплину или измѣняло, или огмѣняло само существо вещей “ (стр. 214—215).

Въ самомъ концѣ разсматриваемой главы авторъ со свойственною ему скромностью выражается о своей теоріи такъ: „и это — смѣемъ утверждать — не будетъ противоцерковной теоріей“ (стр. 221).

Принимая во вниманіе серьезную аргументацію, на которую опирается эта теорія, нельзя не согласиться и съ этимъ скромнымъ сужденіемъ почтеннаго автора.

Слѣдующія затѣмъ главы книги, именно: IV-я: мѣры и средства церковной дисциплины (стр. 222—250), V-я: отлученіе, его предѣлы и истинный характеръ (250—299) и VI-я: каноническія послѣдствія отлученія, какъ церковнодисциплинарнаго средства (300—346)—имѣютъ по преимуществу церковно-историческій интересъ и не представляютъ какихъ-либо особенныхъ чертъ для характеристики цѣлой книги,—поэтому мы и не будемъ входить въ дальнѣйшее подробное разсмотрѣніе книги.

Наша общая характеристика ученаго труда г. Кипарисова выражается въ слѣдующихъ положеніяхъ:

а) Предметъ сочиненія — церковная дисциплина — принадлежитъ ближайшимъ образомъ къ области науки церковнаго

права и имѣть весьма важнос научное и практическое значеніе; но доселѣ этотъ важный предметъ почти не находилъ себѣ спеціальнаго научнаго изслѣдованія: разсматриваемая нами книга г. Кипарисова есть первое спеціально-научное изслѣдованіе этого предмета въ нашей литературѣ.

б) Изслѣдованіе г. Кипарисова представляетъ собою законченное цѣлос, обнимающее предметъ обстоятельно и всесторонне. По внѣшнему своему строенію оно располагается на 6 отдѣленій или главъ, изъ коихъ каждое, представляя собою въ свою очередь цѣлос, стоитъ однако-же въ строго логической связи съ другимъ, одно изъ другого вытекающая и одно другое дополняя.

в) По внутреннему характеру своему изслѣдованіе г. Кипарисова представляетъ ученый трудъ совершенно самостоятельный. Богатое и разнообразное содержаніе его опирается всюду на первоисточники, каковыми для него служатъ: каноническое законодательство вселенской церкви, святоотеческія творенія и богословскія произведенія русскихъ іерарховъ. Знакомство автора съ канонами церкви и святоотеческою литературою обширное, несомнѣнно свидѣтельствующее о долготѣнемъ изученіи ихъ. Но въ особенности замѣтно выступаетъ въ книгѣ г. Кипарисова обширное знакомство его съ отечественною богословскою литературою и особенно уважительное отношеніе его къ твореніямъ отечественныхъ іерарховъ. Имена знаменитыхъ нашихъ іерарховъ-богослововъ, какъ-то: митрополитовъ Платона, Филарета, Макарія, архіепископовъ Филарета (Гумилевскаго) и Алексія Литовскаго, епископа Іоанна Смоленскаго пользуются у нашего автора завиднымъ вниманіемъ. Опытное умѣлое пользование трудами какъ этихъ знаменитыхъ іерарховъ, такъ и трудами даже мало извѣстныхъ, каковы, напр., Игнатій, архіепископъ Воронежскій (стр. 47) и Припирхъ, епископъ Рязанскій (стр. 177), сообщаютъ книгѣ автора оригинальность и привлекательность. Случается весьма нерѣдко, что обильная цитація святоотеческихъ твореній у автора непосредственно сливается съ таковою же цитаціею твореній русскихъ іерарховъ, и такимъ образомъ голосъ отцевъ и учителей древней церкви какъ бы сливается съ голосомъ православныхъ русскихъ іерарховъ столь недавняго прошлаго.

г) Въ методическомъ отношеніи какъ характерныя черты

въ книгѣ г. Кипарисова выступаютъ: во-первыхъ, всесторонность анализа: авторъ разсматриваетъ поставляемые имъ вопросы съ полною обстоятельностью, не опуская ни одной стороны, не разставаясь съ вопросомъ, пока не исчерпаетъ его всецѣло; во-вторыхъ, основательность въ доказательствахъ и въ тоже время скромность и крайняя осторожность въ своихъ выводахъ и сужденіяхъ. Тонъ рѣчи автора всюду спокойный, сдержанный; рѣчь течетъ плавно и по мѣстамъ нѣсколько затрудняетъ вниманіе читателя длиннотою періодовъ, къ каковой авторъ весьма склоненъ, такъ что она можетъ быть отмѣчена прямо какъ характерная особенность его стиля.

На основаніи этихъ свойствъ книги г. Кипарисова признаю ее весьма цѣннымъ ученымъ трудомъ въ нашей богословской литературѣ и ея автора—вполнѣ достойнымъ ученой степени доктора богословія“.

б) Доцента по кафедрѣ общей церковной исторіи Анатолія *Спаскаго*:

„Историко-каноническое изслѣдованіе профессора В. Кипарисова, состоящее изъ шести особыхъ главъ или отдѣловъ, въ своемъ содержаніи довольно замѣтно распадается на двѣ половины, изъ которыхъ первая занимается самымъ понятіемъ о церковной дисциплинѣ, опредѣляетъ ея сущность и свойства, а вторая трактуетъ о мѣрахъ и средствахъ церковной дисциплины.

Общій ходъ мыслей первой половины изслѣдованія можетъ быть представленъ въ слѣдующемъ видѣ.—Въ богословской наукѣ издавна принято различать двѣ области: ученіе вѣры съ одной стороны и дисциплинарныя установленія—съ другой. Это различеніе не есть только пріемъ богословской мысли, и притомъ мысли, дѣйствующей подъ влияніемъ вѣроисповѣдныхъ особенностей; напротивъ, оно есть фактъ самыхъ основоположеній христіанской церковной жизни, независимый отъ богословскихъ усмотрѣній и изслѣдованій (стр. 1—3; ср. 93). Сознаніе раздѣльности между областью вѣры и областью дисциплины всегда было присуще Церкви и высказывалось какъ наиболѣе видными церковными писателями, такъ и въ официальныхъ памятникахъ канонической дѣятельности Церкви. Съ отчетливой ясностью и первѣе всего оно выступаетъ въ твореніяхъ

латинскихъ писателей, Тертуліана (стр. 8—18) и Кириана (стр. 18—23), создавшихъ самый терминъ „дисциплина“ и обезнечившихъ ему устойчивое употребленіе; наблюдается оно также и въ другихъ памятникахъ древне-латинской, западной Церкви, какъ-то: въ письмѣ римскаго клира къ Кириану о падшихъ (стр. 23. 24), въ сужденіяхъ Виктора Пиктавійскаго, въ канонахъ Эльвирскаго собора и въ особенности у блаж. Августина (стр. 24—27). Хотя въ восточно-греческой Церкви самый терминъ „дисциплина“, какъ принадлежащій латинскому языку, и не былъ извѣстенъ, однако и здѣсь особность бытія началъ вѣры и дисциплины сознавалась ясно, и различеніе между ними встрѣчается въ греческой церковной литературѣ такъ же рано, какъ и у латинскихъ писателей. Помимо терминологіи (стр. 27—32), о такомъ отличеніи дисциплины отъ вѣры въ греческой Церкви говорятъ прямыя выраженія ея великихъ писателей и отцовъ, — Оригена (стр. 32—37), Василия Великаго (стр. 37—51), Епифанія Кирскаго (51—54) и др. Это проводимое въ твореніяхъ церковныхъ писателей разграниченіе между дисциплиной и вѣрой подтверждается и официальными документами Церкви, — памятниками ея соборной дѣятельности, въ которыхъ обѣ эти области разсматриваются особно и въ отдѣльности одна отъ другой (стр. 54—75). Такого же воззрѣнія на соотношеніе между этими областями держится и русская церковная и богословская литература, какъ показываютъ это сочиненія наиболѣе видныхъ ея представителей и нѣкоторые официальные памятники русской Церкви (стр. 79—96). — Будучи выраженіемъ отличныхъ отъ области вѣры началъ жизни Церкви, церковная дисциплина имѣетъ и свои особенныя задачи, и свои отличительныя свойства. По своему существу она есть необходимый въ церковной жизни, общеобязательный и единообразный порядокъ, и притомъ порядокъ лучшей и благоприличной, главную цѣлю котораго является содѣйствіе жизни по вѣрѣ. Необходимость дисциплины Церковь засвидѣтельствовала и доказала въ своей борьбѣ съ отрицателями дисциплины, — разнаго рода сепаратистами, отвергавшими обязательность для христіанина всякихъ внѣшнихъ единообразныхъ порядковъ (стр. 97—113), а свое понятіе о дисциплинѣ, какъ лучшемъ и наиболее полезномъ порядкѣ, она высказала въ

постановленіяхъ помѣстныхъ и вселенскихъ соборовъ, гдѣ для выраженія дисциплинарныхъ дѣйствій, цѣлей и т. п. употребляется обыкновенно терминъ „порядка“ (стр. 118—120), также и голосомъ своихъ отцовъ и учителей (стр. 121—133).—Какъ порядокъ, наибольшая полезность котораго обусловлена мѣстными и временными обстоятельствами, церковная дисциплина своимъ постояннымъ свойствомъ имѣетъ развитіе. Это развитіе состоитъ не въ умноженіи или нарастаніи количества дисциплинарныхъ опредѣленій, а въ измѣненіи самыхъ опредѣленій, упорядочивающихъ внѣшнюю жизнь Церкви, причемъ одни опредѣленія устранялись, какъ устарѣвшія, другія исправлялись и приводились въ большее соотвѣтствіе съ данными условіями мѣста и времени и т. д. (стр. 134—136). Свидѣтельства древне-церковной литературы (стр. 136—146) и факты канонической дѣятельности Церкви (стр. 146—173) показываютъ, что право измѣнять дисциплинарные порядки Церковь не только считала однимъ изъ своихъ драгоценныхъ правъ, но и всегда имъ пользовалась. Однако эта измѣняемость дисциплинарныхъ опредѣленій не должна быть понимаема безусловно (стр. 173—180); та дисциплина, которая стоитъ въ связи съ догматическими и нравственными истинами Откровенія, въ силу именно этой своей связи, не можетъ подлежать измѣненію (стр. 180—192),—откуда и открывается возможность болѣе подробной установки условій измѣняемости дисциплины (стр. 192—222).

Опредѣливъ такимъ образомъ существо, задачи и свойства церковной дисциплины, изслѣдованіе проф. Кипарисова во второй своей половинѣ обращается къ разсмотрѣнію мѣръ и средствъ, ограждающихъ церковное благоустройство. Необходимость такихъ оградительныхъ мѣръ вытекаетъ уже изъ самаго понятія о дисциплинѣ, какъ обязательномъ для каждаго христіанина порядкѣ церковной жизни, въ подчиненіи которому Церковь видѣла одинъ изъ главныхъ признаковъ принадлежности къ ней или общенія съ нею (стр. 222—231). Но создавая эти мѣры и средства, Церковь всегда сознавала свое отличіе отъ государства въ отношеніи цѣлей и средствъ, и, сообразно своему духу, чуждалась всякой принудительности въ ихъ примѣненіи. Поэтому и характерной чертой церковно-дисциплинарныхъ средствъ

является отсутствіе въ нихъ всякаго насилія или внѣшне-принудительнаго элемента вообще. О несвойственности Церкви принудительныхъ мѣръ говорятъ какъ рѣзкія сужденія церковныхъ писателей о таковыхъ мѣрахъ, такъ и прямыя каноническія постановленія Церкви, запрещающія прибѣгать къ біевію или насиліямъ въ дѣлахъ церковныхъ (стр. 231—249). Не смотря на разнообразіе мѣръ, выработанныхъ Церковію противъ своихъ правонарушителей (покаянная дисциплина и ея виды), всѣ онѣ могутъ быть сведены къ одному конечному средству, именно, къ изверженію изъ Церкви или къ отлученію отъ нея, такъ какъ и покаянная дисциплина необходимо предполагаетъ собой это отлученіе, какъ свой исходный моментъ. Поэтому въ дальпѣйшей своей рѣчи сочиненіе проф. Кипарисова останавливается исключительно на изученіи причинъ, характера и послѣдствій отлученія. Примѣняя отлученіе за срьсѣ или тяжкіе грѣхи (стр. 251. 252), Церковь различала два вида его: отлученіе полное или великое и отлученіе неполное или малое и для обозначенія этихъ видовъ употребляла различную терминологию (стр. 252—258). Хотя въ христіанскомъ мірѣ съ полнымъ отлученіемъ очень рано стали соединять понятіе о вѣчномъ проклятіи (стр. 259—264), однако Церковь всегда смотрѣла на отлученіе, какъ на внѣшне-юридическій актъ, не принимая на себя предрѣшенія судовъ Божіихъ въ отношеніи къ извергнутымъ изъ Церкви (стр. 264—280). Отлученіе носило чисто-церковный характеръ и примѣнялось только къ людямъ, виновнымъ въ преступленіи религіозномъ (стр. 280—299). Какъ дѣло церковное, отлученіе имѣло и послѣдствія церковныя, именно, прекращеніе для отлученнаго общенія съ Церковію или лишеніе его права пользоваться тѣмъ, чѣмъ онъ пользовался въ качествѣ члена Церкви (стр. 300—307). Но это прекращеніе общенія съ Церковію, по мысли церковной древности, не влекло за собой уничтоженія всякихъ чловѣческихъ сношеній между членами Церкви съ одной стороны и подпавшимъ отлученію съ другой, и не предполагало своимъ послѣдствіемъ какихъ-либо гражданскихъ наказаній для отлученнаго, какъ это считалось обычнымъ порядкомъ въ средневѣковой католической (а иногда и въ греческой) Церкви. Вселенская Церковь запрещала своимъ

членамъ лишь общеніе въ нечестіи съ отверженнымъ, но не лишала его прочихъ правъ на человѣческія отношенія, напр., на помощь въ бѣдствіяхъ и проч. (стр. 307—346).

Изъ этого, представленнаго сейчасъ, обзора содержанія сочиненія проф. Кипарисова съ достаточною ясностію усматривается, что его книга даетъ въ себѣ ни болѣе, ни менѣе, какъ послѣдовательно развитое и законченное въ своихъ существенныхъ чертахъ *ученіе о церковной дисциплинѣ*, разсматриваемой въ ея существѣ и способахъ примѣненія. Она изслѣдуетъ не *исторію* церковной дисциплины, не то, что когда-нибудь и гдѣ-нибудь бывало въ Церкви, но путемъ анализа фактовъ древне-церковной жизни, памятниковъ канонической литературы и церковныхъ писателей устанавливаетъ *основныя начала*, управлявшія областію церковной дисциплины, раскрываетъ то, каковою *должна быть* церковная дисциплина по понятію о ней Церкви. Въ этой принципиальной постановкѣ вопросовъ, изучаемыхъ проф. Кипарисовымъ, заключается характерная особенность книги и ея *высокій научный интересъ*. Людямъ, знакомымъ съ состояніемъ богословской науки, извѣстно, что ни одна сторона церковной жизни не обслѣдована такъ мало и недостаточно, какъ именно та, которая обнимается понятіемъ церковной дисциплины. Даже въ богатой всевозможными диссертациями западной богословской литературѣ дѣло по этой части обстоитъ бѣдно и не идетъ въ глубь. Современные западные ученые (напр., Феслеръ, Бумрукеръ и др.), если и касаются области церковной дисциплины, то по большей части ограничиваются описаніемъ существующихъ въ данной Церкви порядковъ, не входя въ разсмотрѣніе тѣхъ основаній, на когорья опираются эти порядки. О русской богословской литературѣ нѣтъ надобности и говорить; здѣсь проф. Кипарисовъ не имѣлъ предшественниковъ и долженъ былъ начинать дѣло съ начала. Естественно, что эта научная неразработанность вопросовъ, связанныхъ съ областію церковной дисциплины, весьма печально отразилась и на тѣхъ сужденіяхъ о существѣ и свойствахъ ея, которыя высказывались не только попутно, по разнымъ случаямъ церковной практики, но и въ ученыхъ сочиненіяхъ, имѣвшихъ поводъ коснуться этой области. Въ самомъ сочиненіи г. Кипарисова указывается поучительное количество

примѣровъ этой шаткости сужденій о церковной дисциплинѣ, при чемъ колебанія относятся не къ какимъ-нибудь второстепеннымъ и мелкимъ сторонамъ, но къ такимъ важнымъ въ научномъ и практическомъ отношеніи вопросамъ, какъ вопросъ о законченности канона или объ измѣняемости дисциплины и ея границахъ (см. стр. 134. 153. 154—173. 174). Вотъ въ эту-то малоизслѣдованную и темную область и вноситъ свѣтъ книга проф. Кипарисова; опредѣляя общія нормы, лежащія въ основѣ церковной дисциплины, она не только указываетъ надлежащій путь между противорѣчивыми воззрѣніями на изслѣдуемый предметъ, но и создаетъ твердую, научно укрѣпленную почву для оцѣнки существующихъ въ данное время въ церкви дисциплинарныхъ порядковъ и рѣшенія связанныхъ съ ними затрудненій. Книга проф. Кипарисова, такимъ образомъ, пополняетъ собой весьма важный пробѣлъ въ богословской литературѣ, касающійся одной изъ самыхъ существенныхъ сторонъ церковной жизни, и въ этомъ отношеніи является давно *желательнымъ и крупнымъ научнымъ приобретениемъ*.

Но если вопросы, обсуждаемые проф. Кипарисовымъ, и ихъ постановка сообщаютъ его книгѣ высокій интересъ, то методъ его изслѣдованія ставитъ внѣ сомнѣнія ея выдающееся научное достоинство. Его методъ отличается строго объективнымъ характеромъ и основывается на тщательномъ изученіи обширѣйшаго матеріала. Авторъ не подходитъ къ дѣлу съ какой-либо заранѣе принятой теоріей, но извлекаетъ свои положенія посредствомъ всесторонняго и часто самаго детальнаго анализа имѣвшихся въ его рукахъ извѣстій и документовъ. Кромѣ намятниковъ канонической литературы, служившихъ для него первостепеннымъ источникомъ, предъ читателемъ его книги въ каждой главѣ и при каждомъ тезисѣ рядами проходятъ имена знаменитѣйшихъ дѣятелей и писателей православной церкви, начиная отъ древнѣйшихъ временъ христіанства и кончая недавно почившими іерархами русской церкви. Проф. Кипарисовъ собралъ и изучилъ столь *обильный матеріалъ* по своему вопросу, что *съ этой стороны едва ли представляется возможность существенно пополнить его*. Это показываетъ, что его книга не есть результатъ счастливой минуты вдохновенія, а плодъ усидчиваго труда, потребовавшаго отъ автора

нѣсколько годовъ усиленныхъ занятій. Нужно еще замѣтить, что въ подобнаго рода работахъ, какъ изслѣдованіе проф. Кипарисова, цѣнація книги и количество приведенныхъ въ ней свидѣтельствъ отнюдь не выражаютъ собой объема всего прочитаннаго и обслѣдованнаго авторомъ въ предварительныхъ своихъ записяхъ. Иногда, напр., для того, чтобы уловить воззрѣніе того или другого писателя или опредѣлить его терминологию, автору требовалось, конечно, ознакомиться тщательно со всѣмъ кругомъ оставшихся отъ него твореній, хотя въ результатъ такого ознакомленія и получалась всего только одна или двѣ строчки, пригодныя для дѣла.—Подробно доказывая свои тезисы положительными свидѣтельствами изъ области древне-церковной жизни, авторъ въ то же время старательно обезпчиваетъ ихъ твердость и путемъ отрицательнымъ. Онъ стремится предвосхитить тѣ наиболѣе существенныя возраженія, какія могутъ быть приведены противъ принимаемой имъ точки зрѣнія, и съ большимъ вниманіемъ останавливается на нихъ. При этомъ, и въ приводимыхъ возраженіяхъ онъ беретъ не внѣшнюю и поверхностную сторону, а указываетъ самую *суть* ихъ и затѣмъ даетъ по нимъ обстоятельныя и вполне удовлетворительныя объясненія (стр. 3—6; 40—51; 58—62; 152—173 и др.). Этотъ приемъ автора доставилъ ему возможность и поводъ коснуться многихъ весьма любопытныхъ и сложныхъ вопросовъ, косвенно связанныхъ съ областью церковной дисциплины, и тѣмъ усилить интересъ и важность своего изслѣдованія. Укажемъ для примѣра на обсужденіе авторомъ опредѣленія VII вселенскаго собора объ иконопочитаніи, въ которомъ онъ, опираясь на мысли, развитыя извѣстнымъ нашимъ догматистомъ, преосв. Филаретомъ Гумилевскимъ (стр. 89, 90), ставитъ соборное опредѣленіе въ полную гармонию съ своими выводами о границахъ измѣняемости церковной дисциплины, вопреки воззрѣніямъ нѣкоторыхъ западныхъ ученыхъ (стр. 183—190 и др.).

Объективность метода, обиліе изученнаго матеріала и всесторонность изслѣдованія уже ручаются за то, что и выводы, къ какимъ приходитъ авторъ, обладаютъ достаточной научной устойчивостью. Самъ авторъ, впрочемъ, далекъ отъ всякаго анодиктическаго тона въ своихъ за-

ключенiяхъ; съ замѣчательною сдержанностию онъ именуеть личными своими мнѣнiями даже такiе выводы, которые, по обилiю представленныхъ въ пользу ихъ оснований, многiе другiе менѣе осторожные изслѣдователи выдали бы за непреложныя научныя истины. Но высказываетъ ли авторъ свои личныя мнѣнiя, или устанавливаетъ прочное научно-положенiе, онъ неизмѣнно держится гумавпой, истинно-христіанской точки зрѣнiя. Долговременныя занятiя памятниками древне-церковной жизни какъ бы сроднили его съ духомъ вселенской церкви, и онъ всюду является выразителемъ этого духа. Указанная черта въ особенности ясно проглядываетъ въ его характеристикѣ мѣръ и средствъ церковной дисциплины, за которыми онъ энергично отвергаетъ всякую тѣнь внѣшней принудительности, какъ противную самому духу христіанской церкви, и рѣшительно осуждаетъ злоупотребленiя, проникнiя въ позднѣйшую практику (стр. 231 сл.). Такой же характеръ носитъ на себѣ отдѣлъ его сочиненiя о послѣдствiяхъ отлученiя отъ церкви, гдѣ въ противность средневѣковой практикѣ, доходившей до сожженiя отлученныхъ на кострахъ, онъ обстоятельно доказываетъ, что въ возрѣнiяхъ древне-вселенской церкви отлученный отнюдь не ставился въ одинъ рядъ съ дикимъ звѣремъ, лишеннымъ всякихъ обще-человѣческихъ правъ (стр. 313—342). Наконецъ, столь же гуманно и его сужденiе по вопросу объ анаѳематствованiи умершихъ, разсмотрѣнiю котораго онъ посвящаетъ 269—280 стр. своего сочиненiя. Онъ понимаетъ это анаѳематствованiе, какъ выраженiе неодобренiя дѣянiямъ или образу мыслей извѣстныхъ умершихъ лицъ, предпринимаемое единственно ради живыхъ (стр. 274 сл.). Можно, конечно, не мало спорить по поводу этого сужденiя, но, съ другой стороны, нельзя не согласиться и съ тѣмъ, что оно представляетъ собой одно изъ наилучшихъ рѣшенiй затрудненiй, связанныхъ съ вопросомъ объ анаѳематствованiи умершихъ, и имѣетъ въ свою пользу данныя какъ въ актахъ V вселенскаго собора (стр. 277. 278), такъ и въ нѣкоторыхъ выраженiяхъ VI и VII вселенскихъ соборовъ (см. прим. 64 на стран. 279. 280).

Благодаря своей манерѣ предвосхищать возможные недоумѣнiя и возраженiя читателя, проф. Кипарисовъ поста-

вилъ свое изслѣдованіе такъ, что противъ него трудно привести доводы, колеблющіе и разрушающіе какой-либо изъ главныхъ его тезисовъ. Въ нижеслѣдующемъ мы, по обязанности рецензента, сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній, относящихся лишь къ формальной сторонѣ дѣла или касающихся только частныхъ. Прежде всего нельзя не пожалѣть, что, пространно останавливаясь на вопросѣ о раздѣльности областей вѣры и дисциплины, авторъ не раскрылъ съ такою же обстоятельностью взаимной связи между обѣими этими областями. Самъ авторъ, конечно, ни на минуту не забываетъ объ этой связи, но, желая доказать самостоятельность предмета своего изслѣдованія, онъ слишкомъ рельефно и рѣзко выставляетъ особое бытіе началъ дисциплины въ ихъ отличіи отъ началъ вѣры, такъ что его понятіе объ отношеніи дисциплины къ ученію вѣры легко можетъ показаться одностороннимъ. Между тѣмъ раскрытіе связей между дисциплиной и ученіемъ вѣры было бы полезно не только для читателя, но и въ цѣляхъ самого автора, такъ какъ помогло бы ему отчетливѣе выяснить понятіе о такъ называемомъ догматическомъ канонѣ и прочіе обосновать свои выводы о границахъ измѣняемости церковной дисциплины. Далѣе. Не вездѣ можно принять и тотъ способъ, какимъ авторъ пользуется при характеристикѣ воззрѣній древней церкви на вопросы дисциплинарнаго свойства. И здѣсь авторъ въ своемъ изслѣдованіи не разъ отмѣчаетъ различіе между оффиціальными памятниками, свидѣтельствующими о воззрѣніи *всей* церкви (напр., каноническими постановленіями вселенскихъ соборовъ), и твореніями отдѣльныхъ церковныхъ писателей, выражающими иногда только ихъ личный взглядъ. Но по мѣстамъ это различіе какъ бы ускользаетъ отъ вниманія автора и по личнымъ взглядамъ одного писателя онъ начинаетъ характеризовать воззрѣніе всей церкви. Такъ случилось въ отношеніи къ Тертуллиану на стр. 101—104; здѣсь авторъ пользуется сужденіями, изложенными этимъ писателемъ въ сочиненіи „О постахъ“ для того, чтобы опредѣлить „воззрѣніе католической церкви на дисциплину“ (стр. 97; ср. 112. 138); но сочиненіе „О постахъ“ написано Тертуллианомъ въ тотъ періодъ его жизни, когда онъ сдѣлался монтанистомъ, и защищаетъ монтанистическій взглядъ на

ности и сухояденія, такъ что дѣйствительнымъ возрѣніемъ церкви даннаго времени на дисциплину является не эгоизмъ взглядъ, а какъ разъ наоборотъ: тотъ, который опровергается Тертуліаномъ. Не можемъ мы согласиться также и съ тѣмъ положеніемъ, что все различіе между областными и вселенскими соборами состоитъ въ томъ, даетъ ли известный соборъ опредѣленіе *in rebus fidei* или его постановленія относятся къ дисциплинарной области (стр. 67; ср. 92). Если въ приложеніи къ вселенскимъ соборамъ указываемый признакъ и вѣренъ, то, съ другой стороны, исторія знаетъ много такихъ помѣстныхъ соборовъ, которые собираемы были преимущественно, если не исключительно, по дѣламъ вѣры. Мы могли бы представить еще нѣсколько болѣе мелкихъ замѣчаній, но считаемъ это излишнимъ въ виду того, что и приведенныя нами относятся къ частностямъ, ни мало не колебля основныхъ положеній разсматриваемаго ученаго изслѣдованія.

Подводя итоги всему сказанному о сочиненіи проф. Кипарисова, мы охотно признаемъ его книгу весьма цѣннымъ вкладомъ въ русскую богословскую литературу. По солидности своихъ ученыхъ достоинствъ его диссертация является истинно докторской диссертацией, вполне достойной этого наименованія. Изслѣдуя цѣльную и обширѣйшую область церковной жизни, имѣющую первостепенное значеніе, книга проф. Кипарисова, при всей своей ученой отвлеченности, не лишена и важнаго жизненнаго интереса, — особенно въ настоящее время, когда вопросы чисто церковнаго характера начинаютъ привлекать вниманіе широкой публики. Въ послѣднемъ отношеніи наиболѣе цѣнными и оказываюся изслѣдованія, подобныя книгѣ проф. Кипарисова; преслѣдуя интересы исключительно научные и стоя вѣдь всякой злобы дня, они всего скорѣе могутъ содѣйствовать образованію правильныхъ понятій въ умѣ читателей и проложить путь къ надлежащему рѣшенію вопросовъ практическаго свойства.

Признаю сочиненіе проф. Кипарисова вполне удовлетворительнымъ для увѣнчанія его автора степенью доктора богословія“.

Справка: 1) По § 142 устава духовныхъ академій „степени доктора богословія, равно какъ церковной исторіи и церковнаго права, удостоиваются магистры богословія безъ

устнаго испытанія, по представленіи напечатанной диссертациі или сочиненія, хотя бы и написаннаго не съ цѣлю полученія ученой степени“. 2) Экстраординарный профессоръ Василій Кипарисовъ получилъ степень магистра богословія въ Московской духовной академіи въ 1883 году. 3) По § 81 лит. в п. 6 того же устава удостоеніе степени доктора богословія значится въ числѣ дѣлъ Совѣта академіи, представляемыхъ, чрезъ Епархіальнаго Преосвященнаго, на утвержденіе Святѣйшаго Синода.

Опредѣлили: 1) Просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ утвержденіи экстраординарнаго профессора академіи по кафедрѣ гомилетики и исторіи проповѣдничества Василія Кипарисова въ степени доктора богословія. 2) Представить Его Высокопреосвященству и въ Святѣйшій Синодъ по экземпляру диссертациі профессора Кипарисова и копіи съ отзывомъ о ней ординарнаго профессора академіи Николая Заозерскаго и доцента Анатолія Спасскаго.

VIII. Отзывы о сочиненіи преподавателя Саратовской духовной семинаріи Александра *Прозоровскаго* подъ заглавіемъ: „Сильвестръ Медвѣдевъ. Его жизнь и литературная дѣятельность. Опытъ церковно-историческаго изслѣдованія“. Москва, 1896 г., представленномъ на соисканіе степени магистра богословія:

а) Заслуженнаго ординарнаго профессора по кафедрѣ русской гражданской исторіи Василія *Ключевскаго*:

„Разсматриваемая книга г. Прозоровскаго—только первая часть предпринятаго авторомъ обширнаго „церковно-историческаго изслѣдованія“, содержащая въ себѣ біографію Сильвестра Медвѣдева. Во второй части авторъ общасть „подробное обзорѣніе и разборъ“ сочиненій С. Медвѣдева.

Біографія С. Медвѣдева раздѣляется авторомъ на шесть главъ, изъ коихъ первая содержитъ въ себѣ обзоръ литературы предмета съ изложеніемъ плана всего труда, вторая описываетъ жизнь Медвѣдева до принятія монашества въ 1674 г. (такъ по плану, а по ходу разсказа до отъѣзда изъ Москвы въ Путивльскую пустынь въ 1672 г.), третья—жизнь его въ южныхъ монастыряхъ до 1678 г. (такъ по заглавію, а по ходу разсказа до переѣзда въ Москву въ началѣ 1677 года), четвертая—жизнь и дѣятельность Мед-

вѣдова въ Москвѣ до полемики съ Лихудами (точнѣе до смерти царя Феодора въ 1682 году, а начало полемики авторъ относитъ къ 1685 г.), пятая—полемику съ Лихудами, шестая—последнюю судьбу Медвѣдева.

Въ заключеніи обзора литературы предмета, объясняя происхожденіе своего труда, авторъ замѣчаетъ, что эта литература, за исключеніемъ немногаго, компилятивна или слишкомъ поверхностна по своему содержанію и что личность и дѣятельность С. Медвѣдева еще не становились, строго говоря, предметомъ спеціальнаго научнаго изслѣдованія (стр. 35). Авторъ заготовилъ обильный запасъ средствъ для такого научнаго неповерхностнаго изслѣдованія. Внимательно пересмотрѣвъ значительную печатную литературу предмета, авторъ ввелъ въ свое изслѣдованіе и разнообразный неизданный матеріалъ. Онъ самъ перечисляетъ десять библиотекъ и архивовъ, рукописями и документами которыхъ онъ пользовался. Самое видное мѣсто здѣсь занимаютъ, разумѣется, сочиненія самого Медвѣдева. Изъ этого источника, особенно изъ перениски Медвѣдева, которой доселѣ такъ еще мало пользовались, авторъ старался возможно полнѣе исчерпать біографическій матеріалъ, касающійся предмета его изслѣдованія. Всѣ сколько-нибудь важные моменты жизни Медвѣдева до спора съ Лихудами, особенно его происхожденіе, обученіе въ Спасской школѣ и отношенія къ Симеону Полоцкому, причины, побудившія Медвѣдева принять монашество, жизнь въ южныхъ пустыняхъ, дѣятельность его, какъ справщика печатнаго двора въ Москвѣ, тщательно пересмотрѣны, провѣрены по источникамъ и изложены полнѣе или точнѣе, чѣмъ это дѣлалось доселѣ, при чемъ авторъ по мѣстамъ подвергаетъ внимательному критическому разбору мнѣнія своихъ предшественниковъ. Въ изложеніе введены пространныя выписки изъ сочиненій Медвѣдева, особенно изъ его перениски, а также и изъ другихъ памятниковъ письменности того времени. Это обиліе выписокъ не вредитъ изслѣдованію, напротивъ даетъ читателю удобное средство для провѣрки сужденій автора. Но удобства книги едва ли увеличиваются отъ привычки автора повторять иногда по нѣскольку разъ одиѣ и тѣ же выписки въ разныхъ мѣстахъ книги. Такихъ повтореній можно насчитать десятки. Еще менѣе понятенъ дру-

гой приѣмъ изслѣдователя. Въ обширныхъ приложенияхъ къ изслѣдованію напечатаны нѣкоторые памятники письменности, о которыхъ авторъ говоритъ въ своемъ трудѣ. Тексту этихъ памятниковъ предпосланы критико-библиографическія о нихъ замѣчанія и здѣсь дословно повторены цѣлыя страницы изъ текста изслѣдованія (сравни, напр., замѣчанія о сочиненіяхъ Сильвестра *Хлѣбъ животный* и *Манна* въ приложенияхъ 5-мъ и 9-мъ съ соответствующими листами пятой главы книги, гдѣ говорится о тѣхъ же сочиненіяхъ).

Существеннѣе неудобство, представляемое самымъ планомъ труда г. Прозоровскаго. Основной матеріалъ для біографіи писателя заключается, разумѣется, въ его сочиненіяхъ. Но біографическія данныя, почерпаемыя изъ этого источника, по самому свойству его окрашены извѣстнымъ цвѣтомъ, преломлены настроеніемъ, въ каковомъ писалось извѣстное сочиненіе, обстоятельствами, его вызвавшими и поставившими ему цѣль. Необходимо предварительно разобрать эти обстоятельства, учесть это настроеніе, чтобы возстановить біографическіе факты въ ихъ настоящемъ видѣ. Между тѣмъ разборъ сочиненій Медвѣдева предположенъ авторомъ во второй части его изслѣдованія, и читателю первой части остается принимать излагаемыя въ ней біографическія данныя нѣкоторымъ образомъ кредитивно, на вѣру.

Внимательный и осторожный въ критическомъ изученіи подробностей, авторъ не выдерживаетъ этихъ качествъ, когда нужно обобщить отдѣльные историческіе факты и связать ихъ съ общимъ ходомъ русской жизни. Этотъ недостатокъ особенно замѣтенъ въ двухъ послѣднихъ главахъ труда, пятой и шестой, наиболѣе важныхъ по содержанию въ отношеніи какъ къ біографіи Сильвестра, такъ и къ русской исторіи вообще. Въ пятой главѣ авторъ излагаетъ участіе Сильвестра въ шумномъ спорѣ о пресуществленіи Св. Даровъ въ таинствѣ Евхаристіи. Онъ придаетъ большае историческое значеніе этому специальному богословскому спору, связавъ его съ кризисомъ въ тогдашней духовной жизни русскаго народа, видя въ немъ столкновеніе идей, принциповъ и направленій, именно столкновеніе стараго направленія съ новымъ, даже „борьбу за ту или другую цивилизацію“ (стр. 212 и сл.). Авторъ ставитъ себѣ для разрѣшенія общіе вопросы о томъ, чѣмъ вызвано было это

столкновеніе и къ какимъ результатамъ привела борьба. По „жизотрепещущій вопросъ“, отъ рѣшенія котораго, по словамъ автора, находился въ завѣсности цѣлый строй общественной жизни, выборъ между двумя цивилизаціями (разумѣются, повидимому, греческая и западно-европейская), даже перемѣна самаго вѣрованія (стр. 211), тутъ же сводится къ спору о двухъ образованіяхъ, латинскомъ и греческомъ, о школѣ съ латинскимъ языкомъ и о школѣ съ языкомъ греческимъ, слѣдовательно къ спору о духовно-учебной программѣ. Но поставленные вопросы отчетливо не разрѣшаются и даже въ концѣ главы не вспоминаются. Обширная пятая глава (стр. 209—323) наполнена критико-библиографическимъ изложеніемъ полемики по вопросу о пресуществленіи. Недостатокъ отчетливости въ изложеніи значительно затрудняетъ читателя, желающаго уловить и держать въ рукахъ нить размысленій автора. Споръ о пресуществленіи Св. Даровъ шелъ между двумя партіями, изъ которыхъ одну авторъ называетъ греческой или старомосковской, а другую, къ которой принадлежалъ Сильвестръ, латинской или малорусской, хотя автору извѣстно, конечно, что среди самихъ ученыхъ малороссовъ или кievлянъ существовало два направленія, изъ которыхъ болѣе раннее, господствовавшее въ домогилянскихъ братскихъ школахъ, было строго греческое, котораго держался и лучший Кіевскій ученый перваго московскаго прызыва Елиф. Славинецкій. Значить, греческую партію нельзя противопоставлять малорусской или кievской. Авторъ горой стоитъ за кievо-латинскую партію, съ Сильвестромъ во главѣ, отдавая ей предпочтеніе предъ греческой и въ умственномъ, и въ нравственномъ отношеніи, и по мѣстамъ его изслѣдованіе переходитъ въ защитительную рѣчь за латинистовъ. Такой тонъ много повредилъ и литературному впечатлѣнію, и научнымъ выводамъ ученаго труда. Чтобы показать свое превосходство предъ греческой партіей и выставить ея сторонниковъ полными невѣждами, малоруссы, по словамъ автора, выдвинули на сцену массу вопросовъ, доселѣ неизвѣстныхъ на Москвѣ, въ ряду которыхъ особенно рѣзко выдѣлился одинъ—о пресуществленіи Св. Даровъ,—и какъ нарочно тутъ же оказывается, что эготъ особенно рѣзко выдѣлившійся вопросъ выдвинуть былъ не кievлянами, а ихъ противниками

(стр. 220). Между тѣмъ нѣкоторые вопросы, тѣсно соприкасающіеся съ предметомъ изслѣдованія, не получили въ немъ отчетливаго разрѣшенія, и прежде всего вопросъ о происхожденіи московскаго спора о времени пресуществованія. Авторъ нешетъ, что при постепенно усиливавшемся распространеніи въ Великороссіи произведеній югозападной письменности, латинское мнѣніе о пресуществованіи мало-по-малу перешло въ Москву изъ Малороссіи еще до присоединенія послѣдней къ Московскому государству, т.-е. до 1654 г. (стр. 226). При этомъ историческія справки, съ обычнымъ ученымъ трудолюбіемъ наведенныя авторомъ въ литературныхъ памятникахъ и богослужебныхъ русскихъ книгахъ, приводятъ его къ заключенію, что не только предъ прїѣздомъ въ Москву братьевъ Лихудовъ, поднявшихъ здѣсь этотъ споръ, но и гораздо раньше, судя по указаніямъ старинныхъ русскихъ богослужебныхъ книгъ, латинское мнѣніе о пресуществованіи было значительно распространено въ Великороссіи (стр. 227 и сл.). Между тѣмъ самъ авторъ приводитъ изъ помѣщеннаго въ Евѣнмиевомъ *Остинъ Увѣщательнаго Слова* патр. Іоакима свидѣтельство, что въ прежнія времена, при отцахъ Іоакимова поколѣнія и даже на памяти самого Іоакима, родившагося въ 1620 году, во всероссійской церкви не было такого мнѣнія о пресуществованіи и что оно было занесено въ Москву „нѣкіими юношами“, ѣздившими въ Польшу ради ученія латинскаго (стр. 226). По важности этого показанія слѣдовало бы подвергнуть его обстоятельному разбору, чтобы согласить съ приведеннымъ заключеніемъ; но авторъ этого не дѣлаегь. По разъясненію также, какъ могъ столь спеціальнѣйшій вопросъ вызвать въ русскомъ обществѣ такое необычайное волненіе, о какомъ говорятъ современники, и какъ, не смотря на это, могло давнее и распространенное мнѣніе быть разрушено двумя прїѣзжими греками, когда даже самые ревностные русскіе антагонисты его, патріархъ Іоакимъ и инокъ Евѣнмій, прежде сами его держались, какъ доказываетъ авторъ. Вообще при обиліи и разнообразіи матеріала какъ ходъ любопытной полемики, такъ и значеніе участія въ ней С. Медвѣдева—могли бы быть изображены отчетливѣе и выразительнѣе.

Въ шестой главѣ, излагающей „послѣднюю судьбу С.

Медвѣдева“ въ связи съ полемикой о пресуществленіи и съ политическимъ переворотомъ 1689 г., мнѣя частныя неточности изслѣдованія, читатель останавливаетъ вниманіе на двухъ новыхъ положеніяхъ, доказываемыхъ авторомъ: 1) о покаянномъ исповѣданіи С. Медвѣдева и 2) о церковномъ соборѣ, вызванномъ этимъ исповѣданіемъ. Авторъ ставитъ вопросъ о раскаяніи, т. е. отреченіи Сильвестра отъ своихъ мнѣній, очень неудобно: заподозривъ „подлинность письменнаго покаянія“ Сильвестра Медвѣдева, авторъ путемъ усиленныхъ соображеній приходитъ къ „полнѣйшей увѣренности“ въ подложности этого документа, какъ не Сильвестромъ писаннаго и имъ не подписаннаго (стр. 365). Но едва ли нужно усиленно доказывать, что противники Сильвестра, склонивъ его къ отреченію отъ своихъ мнѣній, предложили ему свою собственную формулу раскаянія, что легко видѣть и изъ сличенія приводимыхъ авторомъ мѣстъ покаянія Медвѣдева и исповѣданія Саввы Долгаго (стр. 360 и сл.), а отсутствіе списка документа съ собственноручною подписью Сильвестра могло произойти отъ одной изъ двухъ причинъ: 1) такой списокъ не сохранился или еще не найденъ и 2) Сильвестръ, сидя въ суровой тюрьмѣ послѣ пытокъ, могъ быть не въ состояніи не только написать, но и подписать своего показанія. Дѣло не въ подлинности письменнаго акта, а въ дѣйствительности историческаго факта, т. е. раскаянія Сильвестра и его отреченія отъ своихъ мнѣній, чего авторъ не рассматриваетъ въ своемъ изслѣдованіи, хотя въ оглавленіи и встрѣчаемъ рубрику: „вопросъ о *дѣйствительности* покаяннаго исповѣданія Медвѣдева“. Отвергнувъ подлинность акта, подавшаго поводъ, по свидѣтельству *Остина*, къ созыву церковнаго собора на „Сенку Медвѣдева и иныхъ“, авторъ рѣшительно утверждаетъ, что и самаго этого собора „вовсе не было“ (стр. 367). По приводимымъ авторомъ соображенія и предположенія (стр. 368—370) только тогда придали бы вѣроятность его отрицанію, если бы ими были выяснены: 1) отношеніе отвергаемыхъ имъ извѣстій о соборѣ на „Сенку Медвѣдева“ къ помѣщаемымъ даже въ учебникахъ русской церковной исторіи свѣдѣніямъ о церковномъ соборѣ 1690 г., на которомъ была осуждена „хлѣбопоклонническая ересь“, какъ было названо латинское мнѣніе о пресуществленіи, и составленъ

быть значительный индексъ малороссійскихъ сочиненій, которыя запрещено было читать, 2) рѣшимость высшей московской іерархіи на глазахъ общества, взволнованнаго споромъ и напряженно слѣдившаго за его ходомъ, совершить двойную поддѣлку, выдумать небывалое раскаяніе такого виднаго борца за латинское мнѣніе и объявить о небываломъ церковномъ соборѣ по его поводу съ поддѣльными актами и 3) молчаніе сторонниковъ Медвѣдева о такомъ дѣлѣ враждебной имъ іерархіи. На это могъ указать, напр., Гавріиль Домецкій, возобновившій споръ съ іеромонахомъ Дамаскинымъ уже въ XVIII вѣкѣ, лѣтъ 14 спустя послѣ осужденія С. Медвѣдева. Но именно этотъ Домецкій скорѣе косвенно подтверждаетъ дѣйствительность Московскаго собора на Медвѣдева словами, которыя повторительно приводитъ и авторъ. Осуждая образъ дѣйствій патр. Іоакима и его стороны, Домецкій пишетъ, что по дѣлу о Медвѣдевѣ слѣдовало бы созвать соборъ въ *мирное* время, по *совѣту* царскому, пригласить *всѣхъ* архіереевъ и архимандритовъ, — словомъ, созвать большой торжественный соборъ; можно думать, что этими словами полемистъ намекалъ на соборъ, созванный въ смутное время (1689—1690 гг.), безъ совѣта царскаго и состоявшій не изъ всѣхъ архіереевъ, т. е. тѣсный очередной соборъ, что согласно и съ отвергаемыми авторомъ современными свидѣтельствами, по которымъ на соборѣ присутствовали только московскіе іерархи, а изъ иногороднихъ „прилучившіеся на Москвѣ“ (стр. 353 и сл.). Вообще ходъ дѣла Медвѣдева какъ въ его подробностяхъ, такъ и въ его связи съ тогдашними политическими смутами нельзя признать выясненнымъ въ той мѣрѣ, насколько это позволяютъ источники, которыми пользовался авторъ.

Здѣсь, какъ и въ другихъ частяхъ разсматриваемой книги, повредили три главные ея недостатка: 1) недостатокъ изученія времени С. Медвѣдева, не позволившій автору лучше освѣтить важнѣйшіе моменты и отношенія его жизни; 2) недостатокъ обработки, пересмотра труда, помѣшавшій автору придать бѣольшую точность изложенію біографическихъ подробностей и бѣольшую ясность ихъ оцѣнки и 3) недостатокъ спокойствія въ отношеніи къ Медвѣдеву и его противникамъ, склонность во всемъ оправдать перваго и за-

винить послѣднихъ, побуждающую приложить къ самому автору *mutatis mutandis* приводимый имъ (стр. 20) отзывъ Погодина о книгѣ Аристова, котораго онъ осуждалъ за „усиленное обвиненіе партіи Петра и за адвокатскую роль по отношенію къ Милославскимъ, — однимъ словомъ, за отсутствіе той объективности, которая составляетъ существенную обязанность историка“. Понятвая любовь къ предмету изученія превратилась у автора въ пристрастіе къ изучаемому лицу.

Но имѣя въ виду широкое изученіе источниковъ и литературы предмета, критическую внимательность, обнаруженную авторомъ въ провѣркѣ неясныхъ, неполныхъ или неточныхъ извѣстій о предметѣ, и значительное количество новыхъ біографическихъ данныхъ о Медвѣдевѣ, извлеченныхъ изъ источниковъ, думаю, что книга г. Прозоровскаго можетъ быть допущена къ защитѣ на соисканіе степени магистра богословія“.

б) Экстраординарнаго профессорa по кафедрѣ теоріи словесности и исторіи иностранныхъ литературъ Героева *Татарскаго*:

„Изученіе второй половины XVII вѣка представляетъ особый интересъ въ нашей церковно-исторической наукѣ; потому что ведетъ къ уразумѣнію того броженія различныхъ культурныхъ началъ въ русскомъ обществѣ и литературѣ, которое предшествовало реформѣ Петра Великаго. Сочиненіе г. Прозоровскаго въ значительной мѣрѣ удовлетворяетъ этому условію, представляя собою полное изображеніе жизни и дѣятельности Сильвестра Медвѣдева въ связи съ общими культурными направленіями его эпохи.—Къ такой постановкѣ предмета авторъ приспособляетъ и общій планъ своего сочиненія.

Помѣстивъ въ первой главѣ его, замѣняющей введеніе, обширный очеркъ литературы о Сильвестрѣ Медвѣдевѣ, куда не совсѣмъ кстати вошли даже мимоходомъ сдѣланныя замѣчанія въ трудахъ писанныхъ о другихъ предметахъ, авторъ переходитъ затѣмъ къ изображенію его жизни и дѣятельности, распредѣляя добытый имъ матеріалъ въ слѣдующихъ пяти главахъ: „С. Медвѣдевъ до 1674 года“ (вторая глава), „С. Медвѣдевъ до 1678 г.“ (третья глава), „С. Медвѣдевъ до полемики съ Ляхудами“ (глава четвер-

тая), „С. Медвѣдевъ и Лихуды“ (глава пятая) и „Послѣдняя судьба Медвѣдева“ (глава шестая). Нельзя не замѣтить здѣсь, что было бы гораздо лучше, если бы авторъ въ счетъ главъ сочиненія совсѣмъ не вводилъ своего обзора литературы о Сильвестрѣ Медвѣдевѣ, рельефнѣе отдѣливъ, такимъ образомъ, самый текстъ своего сочиненія отъ совершенно вѣшняго къ нему (тексту) придатка; а вторую и третью главы его, вмѣсто ничего не говорящихъ цифръ, прямо озаглавилъ бы: Сильвестръ Медвѣдевъ до принятія монашества (первая глава), Сильвестръ Медвѣдевъ до окончательнаго поселенія своего въ Москвѣ (вторая глава). Впрочемъ, это еще не составляетъ чего-нибудь важнаго.

Излагая жизнь Сильвестра Медвѣдева до принятія монашества, авторъ съ надлежащею основательностію опредѣляетъ мѣсто и время его рожденія, говоритъ о его домашнемъ воспитаніи и съ наибольшою подробностію останавливается на ученіи его въ открытой Симеономъ Полоцкимъ Спасской школѣ, основательно доказывая довольно высокій уровень его образованія. Къ сожалѣнію, приводимыя имъ данныя о Спасской школѣ, при всей важности этого вопроса въ его изслѣдованіи, ограничиваются лишь тѣмъ, что до сего времени было извѣстно въ литературѣ, хотя онъ могъ бы найти здѣсь и нѣчто новое; а въ вопросѣ о сожителствѣ Сильвестра Медвѣдева съ Полоцкимъ въ Спасской школѣ онъ приводитъ свидѣтельство, относящееся уже къ концу жизни послѣдняго, а потому и весьма сомнительное для этого времени.

Переходя затѣмъ къ жизни Сильвестра Медвѣдева до окончательнаго поселенія его на жительство въ Москвѣ въ Заиконоспасскомъ монастырѣ, авторъ прежде всего останавливается съ особенною подробностію на вопросѣ о томъ, по какимъ побужденіямъ Сильвестръ Медвѣдевъ принялъ монашество. Разбирая мнѣніе ученыхъ по этому вопросу, онъ говоритъ: „ближе другихъ къ истинѣ по интересующему насъ вопросу стоятъ гг. Татарскій, Майковъ (отчасти) и Бѣлокуровъ (тоже отчасти), по мнѣнію которыхъ въ дѣлѣ принятія Медвѣдовымъ монашества большое значеніе имѣлъ Симеонъ Полоцкій. Такое положеніе или, вѣрнѣе сказать, предположеніе заслуживаетъ полнаго вниманія и болѣе или менѣе обстоятельнаго обслѣдованія въ виду того, что ука-

занные ученые не постарались привести, или же хотя бы только указать какія-либо данныя въ пользу состоятельности своего мнѣнія“ (стр. 101). Но авторъ забываетъ, что указанные ученые, за исключеніемъ развѣ Бѣлокурова, касались этого вопроса только попутно, имѣя въ виду, что обстоятельное рѣшеніе его было бы противно интересамъ ихъ специальной задачи; что же касается указаній на это, то они разсѣяны и въ ихъ трудахъ. Послѣ этого авторъ говоритъ объ отъѣздѣ Сильвестра Медвѣдева въ Путивльскую пустынь, о различныхъ занятіяхъ его тамъ и приготовленіяхъ къ принятію монашества. Опредѣливъ затѣмъ годъ постриженія Медвѣдева, онъ съ наибольшою подробностію останавливается на перепискѣ его съ московскими благодѣтелями и особенно съ учителемъ своимъ Симеономъ Полоцкимъ, заключая главу разсмотрѣніемъ причинъ, побудившихъ Медвѣдева поѣхать въ Москву и навсегда въ ней остаться. Всѣ свѣдѣнія эти, заимствованныя преимущественно изъ собственной переписки Медвѣдева, авторъ излагаетъ съ надлежащею полнотою и основательностію, характеризуя его главнымъ образомъ, какъ ревностнаго ученика и подражателя Симеона Полоцкаго.

Разматривая жизнь Сильвестра Медвѣдева въ Законоспасскомъ монастырѣ до полемики его съ Лихудами, авторъ останавливается прежде всего на дѣятельномъ пособничествѣ его Симеоу Полоцкому, но при этомъ онъ слишкомъ уже преувеличиваетъ значеніе его въ этомъ отношеніи. Въ одномъ мѣстѣ, напримѣръ, онъ признаетъ его даже составителемъ письма Симеона Полоцкаго къ князьямъ Григорію Григорьевичу и Михаилу Григорьевичу Ромодановскимъ (1678 г.), находящагося въ собраніи переписки Медвѣдева, дѣлая предположенія, что „престарѣлый Симеонъ поручилъ Сильвестру вести всю вообще переписку съ своими многочисленными друзьями, благодѣтелями и почитателями“ (156 стр.). Но, во-первыхъ, Симеонъ вовсе не былъ тогда престарѣлымъ (48 лѣтъ) и потому естественнѣе предположить, что письмо это, адресованное къ такимъ высокопоставленнымъ людямъ, могъ только переписывать Сильвестръ Медвѣдѣвъ, славившійся хорошимъ почеркомъ; а, во-вторыхъ, такое широкое обобщеніе, основанное на единичномъ фактѣ, если бы даже онъ былъ и дѣйствителенъ, само по себѣ

слишкомъ уже поспѣшно.—Изъ дальнѣйшихъ свѣдѣній о жизни Сильвестра Медвѣдева за этотъ періодъ съ особенною похвалою можно отнести къ изложенію дѣятельности его въ качествѣ справщика на печатномъ дворѣ, отличающемуся сравнительною новизною данныхъ и широтою ихъ разработки.

Въ главѣ: „Сильвестръ Медвѣдевъ и Лихуды“ авторъ излагаетъ исторію споровъ о времени пресущественія Св. Даровъ, естественно отводя въ ней центральное мѣсто обширной полемики между этими свѣтилами тогдашней московской учености. Онъ разсматриваетъ эти споры, согласно съ г. Мирковичемъ („О времени пресущественія Св. Даровъ. Споръ, бывшій въ Москвѣ во второй половинѣ XVII в.“), только „какъ поводъ и точку отправленія для борьбы двухъ взаимно противоположныхъ началъ, двухъ цивилизацій“ (211 стр.) въ русскомъ обществѣ того времени, именно греческой и латинской. Къ заслугѣ автора здѣсь можно отнести то, что, не смотря на существованіе упомянутаго труда г. Мирковича по этому вопросу, онъ все-таки находитъ возможнымъ сообщить и нѣкоторыя новыя данныя. Впрочемъ, основной вопросъ о началѣ этихъ споровъ, какъ имъ, такъ и г. Мирковичемъ разрѣшается неправильно. При этомъ нельзя не сожалѣть еще о томъ, что по такому важному вопросу, какъ представленіе Сильвестромъ Медвѣдевымъ царевнѣ Софьѣ извѣстной Привиллегіи на Академію въ 1685 году, онъ отнесся совсѣмъ поверхностно. Авторъ говоритъ только, что Привиллегія эта была составлена въ 1682 году на основаніи соображеній и проектовъ, представленныхъ правительству сторонниками греческаго и латинскаго образованія (стр. 255). Но это все—вопросы спорные, заслуживающіе въ сочиненіи его болѣе тщательнаго обслѣдованія.

Наконецъ, въ послѣдней главѣ сочиненія предъ нами развертывается съ достаточною полнотою, хотя и не вездѣ съ надлежащей опредѣленностью, печальная картина послѣдней трагической судьбы Сильвестра Медвѣдева. По словамъ автора, онъ погибъ безвинно, единственно только благодаря непріятно сложившимся для него обстоятельствамъ и благодаря пронкамъ со стороны его противниковъ, не всегда задумывавшихся о нравственномъ достоинствѣ практи-

ковавшихся ими разнаго рода мѣръ и средствъ“... (375 стр.). Въ концѣ главы онъ предлагаетъ краткую характеристику Сильвестра Медвѣдева, какъ человѣка, обрисовывая его, впрочемъ, слишкомъ уже общими чертами.

Вообще сочиненіе г. Прозоровскаго представляетъ собою довольно солидный трудъ, въ которомъ при специальномъ углубленіи въ предметъ, всетаки не опущена изъ виду и его общая историческая обстановка. Основу его составляетъ кропотливое изученіе массы разрозненныхъ архивныхъ данныхъ, которыя, если и не вездѣ обработаны самостоятельно, то въ общемъ обнаруживаютъ въ авторѣ способность къ широкой и сложной концепціи. Здѣсь только неприятно дѣйствуетъ на свѣдущаго читателя его суетная манера размножать цитацію и раздавать попутно разнымъ ученымъ такія замѣчанія, которыя могли бы относиться къ нему самому въ неизмѣримо большей степени. Но это уже воззваніе характера. Достоинство сочиненія значительно призрашается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что авторомъ сдѣлано къ нему приложеніе, состоящее изъ важнѣйшихъ литературныхъ произведеній XVII вѣка, каковы: „Оглавленіе книгъ, къ ихъ сложилъ“, „Хлѣбъ животный“ (Медвѣдева), „Показаніе на подвергъ латинскаго мудрствованія“ (Евѡимія), „Опроверженіе латинскаго ученія о пресуществленіи“ (Евѡимія), „Праведный отвѣтъ“, „Малпа“ (Медвѣдева), „Акость“ (Лихудовъ) и „Пенстовое бреханіе на святую восточную церковь въ лицѣ и имени учителей православныхъ І. и С. Лихудіевъ пренеистоваго нѣкоего безъимянника“. — На основаніи всего вышеизложеннаго сочиненіе г. Прозоровскаго можетъ быть признано мною заслуживающимъ допущенія къ защитѣ на степень магистра богословія“.

Б. Заявленіе о. ректора академіи *архимандрита Лаврентія* о томъ, что преподаватель Вологодской духовной семинаріи Иванъ *Тюрингъ*, которому, по утвержденному Его Высокопреосвященствомъ опредѣленію Совѣта академіи отъ 8 августа текущаго года, дозволено было, согласно отзывамъ рецензентовъ, печатать его магистерское сочиненіе подъ заглавіемъ: „Книга пророка Софонія“, 15 числа минувшаго септября мѣсяца представилъ ему 50 экземпляровъ напечатанной диссертаціи.

Справка: 1) По § 29 Положенія объ испытаніяхъ на

ученыя степени: „Если диссертация будетъ признана удовлетворительною, то Совѣтъ допускаетъ кандидата къ публичному ея защищенію“. 2) По § 32 того же Положенія: „Ищущіе степени магистра богословія обязаны представить ректору академіи по крайней мѣрѣ за двѣ недѣли до защищенія 50 экземпляровъ напечатанной диссертаци“. 3) Отзывы о диссертации преподавателя Вологодской духовной семинаріи Ивана Тюрнина представлены были въ Совѣтъ академіи доцентомъ по кафедрѣ Священнаго Писанія Ветхаго Заѣта Василюмъ Мышцынымъ и экстраординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ метафизики и логики Алексѣемъ Введенскимъ, нынѣ командированнымъ за границу.

Опредѣлили: 1) Допустить преподавателей Саратовской духовной семинаріи Александра Прозоровскаго и Вологодской духовной семинаріи Ивана Тюрнина къ защищенію ихъ диссертаций на степень магистра богословія съ тѣмъ, чтобы первый изъ нихъ немедленно представилъ о. ректору законченное число экземпляровъ своей книги. 2) Оффиціальными оппонентами при защитѣ диссертации преподавателя Прозоровскаго назначить заслуженнаго ординарнаго профессора академіи по кафедрѣ русской гражданской исторіи Василю Ключевскаго и экстраординарнаго профессора по кафедрѣ теоріи словесности и исторіи иностранныхъ литературъ Героея Татарскаго, а при защитѣ диссертации преподавателя Тюрнина—доцента по кафедрѣ Священнаго Писанія Ветхаго Заѣта Василю Мышцына и исправляющаго должность доцента по кафедрѣ еврейскаго языка и библейской археологіи Павла Тихомирова. 3) Предоставить о. ректору академіи войти въ соглашеніе съ магистрантами относительно дней коллоквиумовъ и пригласить къ участию въ нихъ постороннихъ лицъ. 4) Постановленіе сіе представить на Архiepастырское благоусмотрѣніе и утвержденіе Его Высочайшаго преосвященства.

IX. Отзывы о кандидатскихъ сочиненіяхъ:

а) Ординарнаго профессора академіи Митрофана Муретова о сочиненіи дѣйствительнаго студента Никанора *Орлова* на тему: „Явленія воскресшаго Господа (Филологическое, историческое и богословское объясненіе евангельскихъ повѣствованій о сихъ явленіяхъ)“:

„Сочиненіе состоитъ изъ краткихъ предварительныхъ за-

мѣчаній о вопросахъ, относящихся ко всѣмъ вообще явленіямъ воскресшаго Господа (о цѣли ихъ, о тѣлѣ воскресшаго Господа, о числѣ, порядкѣ и исторической достовѣрности явленій), и изъ подробнаго объясненія евангельскаго повѣствованія о явленіяхъ воскресшаго Господа: Маріи Магдалинѣ, муроносицамъ, Лукѣ и Клеопѣ, Петру, всѣмъ апостоламъ въ первый день по воскресеніи, въ осьмой день, на морѣ Тиверіадскомъ, на горѣ Галилейской и при вознесеніи.

Недостатки сочиненія относятся къ первой части и состоятъ: въ слишкомъ большой краткости и общности предварительныхъ замѣчаній о важныхъ въ истолковательно-богословскомъ отношеніи предметахъ и въ не вполне основательно и всесторонне раскрытыхъ сужденіяхъ автора о тѣлѣ воскресшаго Господа. (Замѣтно, сочинитель не имѣетъ парочитой философской подготовки для научнаго обслѣдованія сего труднѣйшаго вопроса).

Достоинства сочиненія относятся ко второй части и состоятъ: 1) въ полнотѣ и законченности истолкованія евангельскихъ повѣствованій о явленіяхъ воскресшаго Господа, 2) въ чистотѣ и правильности изложенія и 3) въ обширномъ изученіи какъ новѣйшей, иностранной и русской, такъ и въ особенности древне-греческой и латинской литературы по данному предмету.

Сочиненіе вполне заслуживаетъ кандидатской степени“.

б) Экстраординарнаго профессора Александра Бѣляева о сочиненіи дѣйствительнаго студента Николая *Рубина* на тему: „Ученіе Святыхъ Отцевъ 4-го и 5-го вѣковъ объ искупленіи:

„Въ своемъ сочиненіи г. Рубинъ раскрываетъ, на основаніи ученія Святыхъ Отцевъ означеннаго времени, догматъ объ искупленіи человѣческаго рода Иисусомъ Христомъ. Сначала, въ первой главѣ, онъ изслѣдуетъ неправильные взгляды на этотъ догматъ и извращенія его, имѣвшія мѣсто въ гностицизмѣ, манихействѣ, аріанствѣ, аполлинаризмѣ и пелагианствѣ. Во второй главѣ онъ излагаетъ православное ученіе Святыхъ Отцевъ 4-го и 5-го вѣковъ о тайнѣ искупленія, а именно—ихъ ученіе объ искупленіи въ связи съ идеєю о Богѣ, какъ существѣ благомъ, какъ источникѣ бытія и блаженной жизни, тварей о первоначальномъ жизненномъ

союзъ человѣка съ Богомъ, о поврежденіи и утратѣ этого союза чрезъ грѣхъ человѣка и о восстановленіи его чрезъ особенное обнаруженіе благодати Божіей въ вочеловѣченіи Сына Божія. Въ частности обсуждаются вопросы объ отношеніи правды Божіей къ любви Божіей, о возможности искупленія со стороны человѣка, о предвѣчномъ предопредѣленіи спасенія, о причинахъ поздняго пришествія Искупителя и о сущности искупленія, какъ примиренія человѣка съ Богомъ и восстановленія между ними союза.

Затрудненный, какъ можно догадываться, массою и разнообразіемъ изслѣдованнаго матеріала, г. Рубинъ воспользовался только частью его, и сочиненіе его по объему не велико. Но зато планъ сочиненія хорошо выработанъ, оно отличается строгою систематичностью, языкъ сжатый и правильный. Авторъ его степени кандидата богословія заслуживаетъ“.

Справка: 1) Воспитанники академіи Никаноръ Орловъ и Николай Рубинъ окончили курсъ въ текущемъ 1897 году съ званіемъ дѣйствительнаго студента и правомъ на полученіе степени кандидата богословія по представленіи сочиненія, заслуживающаго сей степени. 2) По § 81 лит. б. п. 10 устава духовныхъ академій „присужденіе степени кандидата“ значитъ въ числѣ дѣлъ Совѣта академіи, представляемыхъ на утвержденіе Епархіальнаго Преосвященнаго.

Опредѣлили: Ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ объ утвержденіи дѣйствительныхъ студентовъ Никанора Орлова и Николая Рубина въ степени кандидата богословія.

Х. Отзывы объ отчетахъ профессорскихъ стипендіатовъ:

а) ординарнаго профессора по кафедрѣ церковнаго права Николая Заозерскаго объ отчетѣ профессорскаго стипендіата Владиміра *Тихомирова*:

„Въ представленномъ профессорскимъ стипендіатомъ, кандидатомъ богословія, Владиміромъ Тихомировымъ письменномъ отчетѣ о его годичныхъ занятіяхъ церковнымъ правомъ содержится характеристика нѣкоторыхъ произведеній русской канонической литературы, а именно курсовъ церковнаго права: проф. Скворцова, Преосв. Іоанна, епископа Смоленскаго, прот. Альбова, прот. Богословскаго, проф. Бердникова, проф. Суворова и проф. Павлова. За исклю-

ченіемъ послѣдняго, характеристика курсовъ сдѣлана авторомъ на основаніи ихъ печатныхъ изданій; что же касается характеристики послѣдняго курса, то она сдѣлана авторомъ на основаніи слуханныхъ имъ лекцій профессора въ Императорскомъ Московскомъ университетѣ.

Представленныя характеристики сдѣланы авторомъ совершенно самостоятельно на основаніи внимательнаго изученія подлинныхъ курсовъ. Онѣ въ общемъ не обширны, но сдѣланы умѣлою рукою. Авторъ мѣтко схватываетъ дѣйствительно характерныя черты каждаго изъ разсматриваемыхъ имъ курсовъ и по достоинству указываетъ имъ соответствующее мѣсто въ исторіи русской науки церковнаго права. Его сужденія вѣрны, основательны и безпристрастны.

Нахожу, что и при хорошо извѣстной мнѣ талантливости автора эти характеристики явились у него плодомъ усерднаго занятія церковнымъ правомъ въ теченіи годичнаго времени“.

б) доцента по кафедрѣ Священнаго Писанія Ветхаго Завета Василія Мышцына объ отчетѣ профессорскаго стипендіата *іеромонаха Ѡаддея* (въ мѣрѣ Пвана Успенскаго):

„Насколько можно судить по краткому отчету іеромонаха Ѡаддея, занятія его, состоявшія въ восполненіи и разработкѣ кандидатскаго сочиненія, направлены были на тѣ именно стороны послѣдняго, которыя нуждались въ улучшеніи. На вопросъ, каковы же дѣйствительные результаты его занятій, вмѣстѣ съ о. Ѡаддемъ мы могли бы сказать, что съ ними можетъ познакомить лишь само сочиненіе, уже представленное на степень магистра богословія, если бы частыя устныя бесѣды наши съ авторомъ его не внушали намъ надеждъ на то, что истекшій годъ былъ для сочиненія о. Ѡаддея весьма плодотворенъ“.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XI. Прошенія:

а) Экстрасрдинарнаго профессора академіи по кафедрѣ исторіи и разбора западныхъ неповѣданій Василія *Соколова*: „Предсталяя при семъ свое изслѣдованіе подъ заглавіемъ: „Іерархія англиканской епископальной церкви“ (Сергіевъ Посадъ, 1897 г.), покорнѣйше прошу Совѣтъ академіи принять его въ качествѣ диссертациі на степень доктора богословія и дать дѣлу надлежащее движеніе“.

б) Преподавателя Нижегородскаго епархіальнаго женскаго училища Николая *Боголюбова*: „Имѣю честь при семъ почтительнѣйше представить въ Совѣтъ Московской духовной академіи свое сочиненіе „Православно-христіанское ученіе о Богѣ, какъ Творцѣ и Промыслителѣ міра. Опытъ выясненія логическаго взаимоотношенія системъ пантеизма и теизма“ (въ рукописи) на соисканіе степени магистра богословія“.

Справка: 1) Экстраординарный профессоръ Василій Соколовъ—воспитанникъ Московской духовной академіи выпуска 1874 года. Степени магистра богословія удостоенъ Совѣтомъ академіи, съ утвержденія Его Высокопреосвященства, въ маѣ мѣсяцѣ 1881 года за представленное и удовлетворительно защищенное имъ сочиненіе: „Реформація въ Англии“. Москва, 1881 г. 2) Преподаватель Нижегородскаго епархіальнаго женскаго училища Николай Боголюбовъ окончилъ курсъ въ Московской духовной академіи въ 1896 году со степенью кандидата богословія и правомъ при исканіи степени магистра не держать новаго устнаго испытанія. 3) По § 81 лит. а п. 6 устава духовныхъ академій „распоряженіе о разсмотрѣніи диссертаций на ученія степени“ значится въ числѣ дѣлъ, окончательно рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ академіи.

Опредѣлили: Изслѣдованіе экстраординарнаго профессора Василія Соколова передать для разсмотрѣнія доценту академіи по кафедрѣ новой гражданской исторіи Ивану *Андрееву*, а сочиненіе преподавателя Нижегородскаго епархіальнаго женскаго училища Николая Боголюбова—экстраординарному профессору по кафедрѣ метафизики и логики Алексѣю *Введенскому*.

ХІІ. Заявленіе о. ректора академіи *архимандрита Лаврентія* о томъ, что вторыми рецензентами означенныхъ сочиненій онъ назначаетъ членовъ Совѣта: ординарнаго профессора по кафедрѣ церковнаго права Николая *Заозерскаго* (сочиненія профессора Соколова) и экстраординарнаго профессора по кафедрѣ введенія въ кругъ богословскихъ наукъ Сергѣя *Глаголева* (сочиненія преподавателя Боголюбова).

Справка: Согласно руководственнымъ правиламъ для разсмотрѣнія сочиненій, представляемыхъ на соисканіе уче-

ныхъ богословскихъ степеней, препровожденнымъ при указѣ Святѣйшаго Синода отъ 23 февраля 1889 года за № 634, „каждое сочиненіе на ученую степень сначала должно быть прочитано, съ надлежащею оцѣнкою, наставникомъ, по предмету котораго писано сочиненіе, затѣмъ — однимъ изъ членовъ Совѣта, по назначенію ректора академіи.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

ХІІІ. Отношенія:

а) Ректора Императорскаго Казанскаго университета отъ 3 сентября за №№ 2336 и 2338, при коихъ препровождены для академической бібліотеки по одному экземпляру „Обозрѣнія преподаванія съ распредѣленіемъ лекцій и практическихъ занятій въ 1897 — 1898 учебномъ году по всѣмъ факультетамъ Императорскаго Казанскаго университета“ и диссертаций: И. Филевича, Е. В. Васьковскаго, Н. Бржескаго, П. Ф. Виноградова, Н. Тюмянцева, Г. А. Клячкина, Б. И. Воротынскаго и Л. Комаровича.

б) Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества отъ 25 сентября за № 1437 съ препровожденіемъ трехъ экземпляровъ „Правиль ХІ Археологическаго Съѣзда, имѣющаго быть въ г. Кіевѣ 1—20 августа 1899 г.“

в) Совѣта Братства Св. Креста въ Нижнемъ Новгородѣ отъ 31 августа за № 68, при коемъ препровождена для академической бібліотеки коллекція фотографическихъ снимковъ съ книгъ и картинъ, бывшихъ въ противораскольническомъ отдѣлѣ на Всероссийской выставкѣ 1896 года въ Нижнемъ Новгородѣ.

Опредѣлили: Книги, брошюры и коллекцію фотографическихъ снимковъ сдать въ фундаментальную академическую бібліотеку и благодарить за пожертвованіе ихъ.

ХІV. Прошеніе экстраординарнаго профессора академіи Василя *Соколова*: „Покорнѣйше прошу Совѣтъ академіи выписать для меня на мѣсячный срокъ рукопись Императорской Публичной Библіотеки: Epigrammes ou poèmes epigrammatiques du manuscrit du Vatican à la Hage. 1637. (no Catalogue Muralt'a 1864-го года № CXLVIII“.

Опредѣлили: Просить Управленіе Императорской Публичной Библіотеки выслать въ Академію на мѣсячный срокъ означенную въ прошеніи профессора Соколова рукопись.

XV. Записки экстраординарнаго профессора Алексѣя Введенскаго, н. д. доцента Павла Соколова и Пвана Попова и лектора Василя Лучинина о выпискѣ книгъ, которыя они считаютъ нужнымъ приобрести для академической библіотеки.

Справка: I. Къ выпискѣ представлены слѣдующія книги:

1. *Ernst Haeckel*. Generelle Morphologie der Organismen.
2. *Moritz Wagner*. Die Entstehung der Arten durch räumliche Sonderung. Basel, 1889.
3. *Baer*. Ueber Entwicklungsgeschichte der Thiere. Beobachtungen und Reflexion. 2 B-de.
4. *Baer*. Reden und Aufsätze. Theil 2.
5. *Wigand*. Der Darwinismus und die Naturforschung Newton's und Cuvier's. 3 B-de.
6. *August Weismann*. Studien und Deszendenz-Theorie. Leipzig, 1876.
7. *Carl Nägeli*. Entstehung und Begriff der Naturhistorischen Art. München, 1865.
8. *Carl Nägeli*. Mechanisch-physiologische Theorie der Abstammungslehre. München, 1884.
9. *Carus Sterue (Ernst Krause)*. Werden und Vergehen. Eine Entwicklungsgeschichte des Naturganzen in gemeinverständlichen Fassung. Dritte Auflage. Berlin, 1886.
10. *Hugo Spitzer*. Beiträge zum Deszendenz-Theorie und Methodologie der Naturwissenschaft. Graz, 1886.
11. *Eimer*. Die Entstehung der Arten auf Grund der Vererben erworbenener Eigenschaften nach den Gesetzen organischen Wachstums. 1886.
12. *Gaake*. Gestaltung und Vererbung. 1893.
13. *Gutberlet*. Der Mensch.
14. *Weismann*. Das Keimplasma. 1892.
(Э.-орд. проф. А. Введенскимъ).
15. *Margot*. Grammaire theorique et pratique de la langue française à l'usage des classes dufferiennes et moyennes des écoles—5 экземпляровъ.
(И. д. доцента П. Соколовымъ).
16. Anecdota Maredsolana seu monumenta ecclesiastica antiquitatis ex mss. codicibus nunc primum edita aut denuo

- illustrata. Opere et studio presbyt. *D. Germani Morin*, o. s. B. Vol. III, pars IX, 2. Oxford, 1897.
17. Der sogenannte Anonymus Mellicensis. De scriptoribus ecclesiasticis. Text und Quellenkritik. Ausgabe nuf. e. Einleitg. v. *E. Ettlinger*. Karlsruhe, 1896.
 18. *Bruston*. La descente du Christ aux enfers d'après les apôtres et d'après l'église. Paris, 1897.
 19. *Bornemann*. Die Taufe Christi durch Johannes in. der dogmatischen Beurtheilung der christlichen Theologen der vier ersten Jahrhunderte. Leipzig, 1896.
 20. *Hoffmann*. Dio Verehrung und Aebetung des allerheiligsten Sacraments des Altars. Geschichtlich dargestellt. Kempten, 1896.
 21. *Wadstein*. Die eschatologische Jdeengruppe: Antichrist, Weltsabbat, Weltende und Weltgericht in der Hauptmomenten ihrer christlich - mittelalterlichen Gesamtentwicklung. Leipzig, 1896.
 22. *Reville Jean*. Les origines de l'episcopat. Paris, 1894.
 23. *Vollert*. Die Lehre Gregors v. Nyssa vom Guten und Bösen u. von der schliesslichen Ueberwindung des Bösen. Leipzig, 1897.
 24. *Reiche*. Die künstlerische Elemente in der Welt — u. Lebens—Auschauung des Gregors v. Nyssa. Jena, 1897.
 25. *Wehofer*. Die Apologie Iüstins des Philosophen und Märtyrers in literaturhistor. Besieh. zum erstenmal untersucht. Freiburg, 1897.
 26. *Seitz*. Die Apologie des Christenthums bei den Griechen der IV und V Jahrh. in historischsystematischen Darstellung. Würtzburg, 1895.
 27. *Aall* Der Logos. Geschichte seiner Entwicklung in der griechischen Pilosophie u. der christlichen Literatur.
 28. *Kunze Sahs*. Marcus Eremita, ein neuer Zeuge für das altkirchliche Taufbekenntniss. Leipzig, 1895.
 29. *Batifol*. Anciennes litteratures chretiennes. La litterature graecque. Paris, 1897.
 30. *Eisenhofer*. Procopius v. Gaza. Eine literaturhistor. Studie. Gekrönte Preisschrift. Freiburg, 1897.
 31. *Winkel*. Der Traditionsbegriff des Urchristenthums bis Tertullian. München, 1897.
 32. *Pell*. Die Lehre d. hl. Athanasius v. der Sünde und

- Erlösung. Eine dogmengeschichtliche Untersuchung. Passau, 1888.
33. *Vergier*. Vie de saint Antoine le Grand, patriarche de cenobites. Tours impr. Maine, 1890.
 34. *Kuhn*. Die Christologie Leo's I, des Grossen, in systematischen Darstellung. Würzburg, 1894.
 35. *Belck*. Geschichte des Montanismus, seine Entstehungsursache, Ziel und Wesen, sowie kurze Darstellung und Kritik der wichtigsten darüber aufgestellten Ansichten. Leipzig, 1883.
 36. *Pankau*. Methodius, Bischof v. Olympos. Mainz, 1888.
 37. *Duchesne*. De Macario Magne et scriptis ejus. Parisiis, 1877.
 38. *Amelineau*. De historia lausaica, quaenam sit hujus ad monachorum aegyptiorum historiam scribendam utilitas. Parisiis, 1887.
 39. *Zöckler*. Askese und Mönchthum. Zweite, geinzlich neu bearbeitete und stark vermehrte Auflage der „Kritischen Geschichte der Askese“. Frankfurt auf M., 1897.
 40. *Zahn*. Die apologetischen Grundgedanken in der Literatur der ersten drei Jahrhunderte. Würzburg, 1890.
 41. Die griechischen christlichen Schriftsteller der ersten 3 Jahrhunderte, hrsg. v. der Kirchenvätercommission der Königl. preuss. Academie der Wissenschaften.

(И. д. доцента И. Поповымъ).

42. *Berme*. Нѣмецкая хрестоматія съ словаремъ, приложеннымъ къ ней. 15 экземпляровъ.
43. *Кейзеръ*. Краткая нѣмецкая грамматика. Часть I. 15 экземпляровъ.
44. *Schiller*. Maria Stuart. Объясн. Розенбергъ. Изд. Манштейна. 15 экземпляровъ.
45. *Lessing*. Minna von Barnhelm. Объясн. Ганъ. Изд. Манштейна. 15 экземпляровъ.

(Лекторомъ В. Лучининымъ).

II. Означенныхъ книгъ въ академической библиотекѣ не имѣется, или имѣются въ недостаточномъ количествѣ экземпляровъ.

Опредѣлили: Поручить библиотечарю Николаю Колосову выписать означенныя въ запискахъ книги для академиче-

ской библіотеки и о послѣдующемъ представить Правленію академіи.

XVI. Предложеніе о. ректора академіи *архимандрита Лавренція*:

„Исправляющій должность доцента по кафедрѣ нравственнаго богословія Николай *Городенскій* въ началѣ сентября заболѣлъ брюшнымъ тифомъ; болѣзнь его грозитъ продолжиться еще болѣе мѣсяца.

Оставлятъ безъ чтенія лекцій студентовъ на такое продолжительное время и по такому важному предмету, какъ нравственное богословіе, нахожу весьма неудобнымъ, тѣмъ болѣе, что студенты IV курса, которымъ читается нравственное богословіе въ нынѣшнемъ учебномъ году, кончаютъ курсъ.

Не благоугодно ли будетъ Совѣту академіи озаботиться принятіемъ мѣръ къ временному—до полнаго выздоровленія г. *Городенскаго*—замѣщенію означенной кафедры.“

Справка. 1) По § 81 лит. а п. 7 устава духовныхъ академій „принятіе мѣръ къ замѣщенію профессорскихъ и другихъ преподавательскихъ вакансій“ принадлежитъ къ числу дѣлъ, окончательно рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ академіи. 2) Согласно предложенію Совѣта, читать безвозмездно (въ виду отсутствія въ распоряженіи Совѣта академіи средствъ на дополнительное вознагражденіе изъ остатковъ по содержанію лицъ Управленія и учащихся въ академіи) лекціи по нравственному богословію студентамъ IV курса изъявилъ согласіе исправляющій должность доцента академіи по кафедрѣ патристики Иванъ *Поповъ*, писавшій по означенному предмету свою магистерскую диссертацию („Естественный нравственный законъ“).

Опредѣлили: Чтеніе лекцій по нравственному богословію поручить временно—до полнаго выздоровленія и. д. доцента академіи Н. *Городенскаго*—исправляющему должность доцента по кафедрѣ патристики Ивану *Попову*.

XVII. Собственноручныя показанія студентовъ I курса о желаніи ихъ изучать спеціальныя предметы первой или второй группы, одинъ изъ древнихъ и одинъ изъ новыхъ языковъ и слушать лекціи по естественно-научной апологетикѣ.

По симъ показаніямъ изъявили желаніе слушать:

Предметы первой группы:

Изъ языковъ:

1.	Алфесевъ Аркадій	лат.	нѣм.
	Бенеманскій Михаилъ	лат.	нѣм.
	Бехъ Валеріанъ	лат.	англ.
	Виноградовъ Анатолій	греч.	нѣм.
5.	Виноградовъ Михаилъ	греч.	нѣм.
	Гапоновъ Сергѣй	греч.	нѣм.
	Голубевъ Викторъ	греч.	франц.
	Доброгаевъ Павелъ	греч.	франц.
	Добромысловъ Павелъ	греч.	нѣм.
10.	Евстратіадисъ Ѳедоръ	лат.	франц.
	Запольскій Андрей	греч.	нѣм.
	Левитовъ Павелъ	греч.	нѣм.
	Монсеевъ Николай	греч.	нѣм.
	Платонъ, іеромонахъ	лат.	франц.
15.	Чистилинъ Дмитрій	лат.	нѣм.

Предметы второй группы:

1.	Аванасьевъ Матосей	греч.	нѣм.
	Богдановъ Александръ	лат.	франц.
	Высоцкій Николай	лат.	нѣм.
	Габараевъ Константинычъ	греч.	нѣм.
5.	Гординскій Ѳедоръ	греч.	нѣм.
	Горскій Дмитрій	греч.	нѣм.
	Горскій Михаилъ	лат.	франц.
	Гротъ Іустинъ	греч.	англ.
	Дмитріевъ Николай	греч.	нѣм.
10.	Дорреръ Георгій, графъ	лат.	англ.
	Златовъ Гавріилъ	лат.	нѣм.
	Зоринъ Петръ	греч.	нѣм.
	Юкичъ Лука	лат.	франц.
	Кантовъ Владиміръ	греч.	нѣм.
15.	Коноваловъ Дмитрій	лат.	англ.
	Краснопѣвцевъ Алексѣй	греч.	нѣм.
	Лавровскій Ѳедоръ	греч.	нѣм.
	Любимскій Александръ	лат.	нѣм.
	Мишинъ Александръ	лат.	англ.
20.	Невскій Михаилъ	лат.	нѣм.
	Овчинниковъ Василій	лат.	нѣм.

	Олещицкій Веніаминъ	лат.	нѣм.
	Отрѣзовъ Иванъ	греч.	нѣм.
	Покровскій Василій	лат.	нѣм.
25.	Покровскій Михаилъ	лат.	нѣм.
	Покровскій Сергѣй	греч.	нѣм.
	Поповъ Павелъ	греч.	нѣм.
	Поспѣловъ Николай	греч.	нѣм.
	Постниковъ Петръ	греч.	нѣм.
30.	Романовъ Викторъ	лат.	нѣм.
	Саригіани Евангелъ	греч.	франц.
	Сахаровъ Сергѣй	греч.	нѣм.
	Соколовъ Петръ	греч.	франц.
	Соловьевъ Иванъ	греч.	нѣм.
35.	Титовъ Михаилъ	лат.	нѣм.
	Триумфовъ Александръ	греч.	франц.
	Троицкій Иванъ	греч.	нѣм.
	Холмогоровъ Дмитрій	греч.	нѣм.
	Яворскій Василій	греч.	нѣм.
40.	Якимовъ Григорій	греч.	нѣм.

Слушать лекціи по естественно-научной апологетикѣ изъявили желаніе всѣ студенты I курса.

Опредѣлили: 1) Утвердивъ распредѣленіе студентовъ I курса по группамъ и классамъ древнихъ и новыхъ языковъ, собственноручныя показанія студентовъ хранить при дѣлахъ Совѣта академіи. 2) Списки студентовъ, изъявившихъ желаніе слушать лекціи по естественно-научной апологетикѣ, сообщить преподавателю оной профессору Дмитрію Голубинскому.

XVIII. Разсуждали: А) *о назначеніи студентамъ IV курса ассигнованныхъ по смѣтѣ 1897 года двухъ премій Митрополита Московскаго Макарія, по 97 рублей каждая, за лучшія семестровыя сочиненія, написанныя ими въ теченіи первыхъ трехъ курсовъ.*

Справка: 1) Положенія о преміяхъ Высокопреосвященнаго Митрополита Московскаго Макарія: а) п. 1-й: „Проценты раздѣляются на четыре преміи, первая въ 500 рублей за лучшіе печатные труды наставниковъ Московской духовной академіи, вторая въ 300 рублей за лучшія магистерскія сочиненія воспитанниковъ Московской духовной академіи, третья и четвертая по 100 рублей (нынѣ, вслѣд-

ствіе конверсіи капитала, по 97 р.)—за лучшія сочиненія студентовъ Московской духовной академіи, написанныя ими въ теченіи первыхъ трехъ курсовъ“; б) п. 7 и 8: „Третья и четвертая преміи назначаются по переходѣ студентовъ на IV курсъ въ одно изъ засѣданій сентябрьской трети тѣмъ изъ нихъ, кои ми поданы были всѣ семестровыя сочиненія, назначенныя имъ въ теченіи первыхъ трехъ курсовъ, и изъ нихъ болѣе половины означено балломъ 5 и нѣтъ ни одного, имѣющаго баллъ менѣе 4. Деньги могутъ быть выданы имъ, по ихъ желанію, или тотчасъ, или при окончаніи курса.—Въ случаѣ, если окажется болѣе двухъ студентовъ одного курса, которыхъ сочиненія удовлетворяютъ изложеннымъ въ предыдущемъ § условіямъ, преимущество отдается тѣмъ, у которыхъ сумма балловъ на сочиненіяхъ больше; въ случаѣ же равенства, преимущество отдается за сочиненія позднѣйшихъ курсовъ предпочтительно предъ предшествующими“; в.) п. 16-й: „Означенныя (относительно назначенія премій) постановленія Совѣта, на основаніи § 81 лит. б. академическаго устава, представляются на утвержденіе Епархіальнаго Преосвященнаго“. 2) Лучшія семестровыя сочиненія за первые три курса представили слѣдующіе студенты настоящаго IV курса: Каптеревъ Борисъ (5, 5, 5; 5, 5, 5; 5, 5, 5), Заозерскій Александръ (5, 4+, 5—; 5—, 5, 5; 5—, 5—, 5), Введенскій Дмитрій (4+, 4¹/₂, 5; 5, 5, 5; 5, 4+, 5), Бачалдинъ Иванъ (5, 4, 5—; 4¹/₂, 5, 5; 5, 5, 4¹/₂) и Кедринскій Михаилъ (4, 4¹/₂, 5; 5—, 5— 5; 4+, 5—, 5).

Опредѣлили: 1) Преміи Высокопреосвященнаго Митрополита Московскаго Макарія за лучшія семестровыя сочиненія назначить студентамъ IV курса Борису *Каптереву* и Александру *Заозерскому*. 2) Постановленіе сіе представить на Архiepастырское благоусмотрѣніе и утвержденіе Его Высокопреосвященства.

Б. О руководствованіи окончившихъ въ текущемъ 1897 г. курсъ и оставленныхъ при академіи для приготовленія къ замѣщенію вакантныхъ преподавательскихъ кафедръ кандидатовъ богословія Александра *Покровскаго*, Евгенія *Воронцова* и Николая *Николина* въ ихъ научныхъ занятіяхъ въ теченіи наступившаго 189⁷/₈ учебнаго года.

Опредѣлили: Руководство въ занятіяхъ кандидата Але-

ксандра Покровскаго поручить экстраординарному профессору академіи Сергѣю *Глаголову*, кандидата Евгенія Воронцова — ординарному профессору Митрофану *Муретову* и Николаю Николина — доценту Анатолю *Спасскому*.

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства:

„Окт. 20. Утверждаются — исправляющій должность доцента Иванъ Поповъ (ст. I) въ сей должности, а дѣйствительные студенты Никаноръ Орловъ и Николай Рубинъ (ст. IX) въ степени кандидата богословія. Съ постановленіями въ статьяхъ VI и VII согласенъ. Статьи II, IV, X, XII, XVII смотрѣны. Постановленное въ статьяхъ III, V, XI, XIII, XIV, XV, XVI исполнить. По статьѣ XVIII, А. преміи выдать; Б. привести въ исполненіе.

1-го октября 1897 года.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ ректора академіи архимандрита Лаврентія, инспекторъ академіи и. д. ординарнаго профессора архимандритъ Арсеній и всѣ члены Совѣта академіи.

Въ собраніи семь, въ день воспоминанія объ основаніи Московской духовной академіи, происходилъ, на основаніи § 91 устава духовныхъ академій, торжественный актъ, на которомъ ординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ Священнаго Писанія Новаго Завѣта Митрофаномъ Муретовымъ произнесена была составленная имъ, по порученію Совѣта, рѣчь на тему: „Церковно-практическое и научно-богословское значеніе славянскаго перевода Новаго Завѣта въ трудѣ Святителя Алексія, Митрополита Кіево-Московскаго и Всероссийскаго“, а секретаремъ Совѣта прочитанъ былъ отчетъ о состояніи Московской духовной академіи въ 189⁶/₇ учебномъ году.

Опредѣлили: Представить о совершеніи акта Его Высокопреосвященству.

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства:

„Окт. 20. Смотрѣно“.

30 октября 1897 года.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ ректора академіи архимандрита Лаврентія, инспекторъ академіи и. д. ординарнаго профессора архимандритъ Арсеній и члены Совѣта академіи, кромѣ профессоровъ: В. Ключевского, М. Муретова, П. Казанскаго и В. Соколова, не присутствовавшихъ по болѣзни, и А. Введенскаго, находящагося въ заграничной командировкѣ.

Слушали: Отзвы о сочиненіи преподавателя Кишиневской духовной семинаріи, кандидата богословія, Сергѣя *Маргаритова* подъ заглавіемъ: „Лютеранское ученіе въ его историческомъ развитіи при жизни Мартина Лютера“, представленномъ (въ видѣ книги съ нѣкоторыми рукописными дополненіями и исправленіями) на соисканіе степени магистра богословія:

а) Экстраординарнаго профессора по кафедрѣ исторіи и разбора западныхъ исповѣданій Василя *Соколова*:

„Подлежащее нашему разсмотрѣнію сочиненіе г. Маргаритова представляетъ собою печатную книгу съ нѣсколькими рукописными дополненіями и исправленіями, произведенными въ ней соотвѣтственно сдѣланнымъ прежде автору указаніямъ. Въ такомъ, исправленномъ и дополненномъ, видѣ разсматриваемое сочиненіе состоитъ изъ трехъ главъ и заключенія. Предисловіе имѣетъ библиографическій характеръ и главнымъ образомъ посвящено краткому обзору сочиненій М. Лютера, съ особеннымъ указаніемъ на тѣ изъ нихъ, которыя по преимуществу были для автора предметомъ изученія. Существенная цѣль этого обзора состоитъ въ томъ, чтобы представить читателю хронологію Лютеровыхъ сочиненій и такимъ образомъ дать ему возможность судить о правильности воззрѣній автора, когда онъ, въ дальнѣйшемъ изложеніи своего сочиненія, отмѣчаетъ въ развитіи лютеранскаго ученія извѣстные періоды, имѣющіе свои хронологическіе предѣлы. Въ концѣ предисловія авторъ выясняетъ, почему его изслѣдованіе обнимаетъ лютеранское ученіе не во всей его совокупности, а ограничивается лишь его важнѣйшими пунктами.

Во введеніи авторъ указываетъ задачу своего изслѣдованія, которая состоитъ въ томъ, чтобы исправить распро-